

"Птица (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Птица

Первый полет

Я стояла напротив красивого молодого человека и следила за тем, как двигаются его губы, но слова плохо доходили до моего затуманенного болью сознания. Я устала, замерзла, хотела есть, пить и просто кого-нибудь стереть в порошок. Например, этого красавчика, чья баба десять минут назад разнесла в хлам бок моего автомобиля. Она была не права, однако, как истинный джентльмен, красавчик сейчас вовсе изничтожил остатки моего здравого смысла обидными эпитетами в мою сторону.

А ведь я бешеная...

У меня так и на машине написано...

А он не понимает...

И продолжает расписывать мне всю ту веселую жизнь, в которую он меня запихнет за свою помятую машину.

Я поджала губы, шмыгнула носом.

Видит Бог, я не хотела, но...

Мой натренированный кулак врезался в челюсть красавчика. Мужчина потерял равновесие, поскользнулся на мокрой каше из снега, песка и реагентов и рухнул на капот своего BMW. Я шагнула вперед, вклинилась между его ногами, припечатала пятерней к железу и медленно с расстановкой проговорила:

- Значит так, если еще одно оскорбительное слово сорвется с твоих губ, я за себя не ручаюсь. Мне уже хочется вскрыть тебе горло, вырвать трахею и сожрать твою печень. И поверь, я сделаю это, ибо двинутая на всю голову, и мне за это ничего не будет - мама в психушке работает и еще в детстве мне справку сделала о том, что голова у меня плохо работает. Уяснил? - я похлопала красавчика по щеке и отступила, наслаждаясь зрелищем поверженного противника.

А он был не просто повержен. Правильные черты лица исказила гримаса, на челюсти слева расплывался еще свежий синяк. Вздыбленная челка полоскалась на ветру неопрятным рокерским хаером. Но больше всего меня поразили глаза мужчины. В них было что-то до боли знакомое. Эдакая смесь четырех перцев: узнавание, радость, смущение и охотничий азарт.

- Нет... - прошептала я и попятилась.

Такой взгляд я видела только у одного человека, которого вычеркнула из памяти, забыла и вздохнула с облегчением, зная, что этот ходячий кошмар больше никогда не вторгнется в мою жизнь. Похоже, я ошибалась. Похоже, судьба решила, что моя черная полоса подошла к своему логическому концу: она круто вильнула и уперлась в симпатичную такую, но все-таки жопу!

Я метнулась к машине, намереваясь забаррикадироваться в ней до приезда сотрудников ГИБДД, но у самой дверцы меня поймали и до христа сжали в стальных объятиях.

- Птица, ты?! - выдохнули прямо в ухо, оторвали от земли и развернули.

- Пустиии! - взывала я, чувствуя, как сминаются ребра. Полузадушенная, лишенная возможности сопротивляться, я, тем не менее, ощутила злорадство глядя не вытянувшееся лицо блондинки в BMW. Она никак не ожидала, что ее принц вместо того, чтобы убить дракона примется с ним жарко обниматься.

- Я уж потерял надежду с тобой встретиться! - мужчина и не думал слушать меня, продолжая тискать. Он потерял? Да я ее вообще похоронила на пятиметровой глубине, залила цементом и сверху курган насыпала! А она, сволочь, выбралась! - Ну, скажи же что-нибудь?

- ...!...!...! Доходчиво?! - выдохнула я.

- Эээ... - сжимающие меня руки разжались. - Прости. Я просто очень сильно соскучился, - и он улыбнулся чуть смущенно и застенчиво. К-козел, если он сейчас примется ковырять мыском ботинка асфальт, я его под него закатаю...

О уха донеслось шкрябание.

Его... мать!

Я таки нырнула в машину и заблокировала все дверцы. Жаль, внутри нет плотных штор, а то бы и их занавесила. Хотя против этого субъекта скорее всего поможет только чеснок, серебро и осинный кол.

И то не факт

Тогда напалм. Но его я с собой в багажнике по понятным причинам не вожу.

Я закрыла глаза и вспомнила нашу первую встречу...

Мне десять лет. Я играю во дворе пятиэтажки - строю песочные гаражи для коллекции гоночных машин, что подарил мне отец. Неожиданно по постройкам прокатывается замшелый футбольный мяч, разом уничтожая труды нескольких часов. Я останавливаю мячик, беру его в руки и поднимаю глаза, выискивая смельчака, который решил меня потревожить.

Я же бешеная...

И все во дворе об этом знают...

- Привет! - крикнули. - Кидай сюда!

Со спортивной площадки вылетел незнакомый мальчишка. Одет с иголочки. Умыт. Причесан. А у меня на старом спортивном следы от мокрого песка, прилипшие веточки, коса растрепана и под глазом пластырь - подралась недавно с Ванькой из третьего подъезда.

- Ну, ты чего стоишь? Ау, ты меня слышишь? - я молчала. Ждала, пока жертва подойдет ближе. А мальчишки за его спиной все поняли. Сбились в кучу, побледнели и приготовились бежать. Они все уже с моими кулаками познакомились, а их родители с моими. Образумить хотели... и их и меня! Наивные! Когда в семье папа профессиональный автомеханик, а мама КМС по боксу... с ними очень трудно спорить и практически невозможно что-либо доказать.

- Слышу! - рывкнула я и бросила мяч прямо в лицо.

Из разбитого носа парнишки потекла кровь.

- За что? - с искренним недоумением спросил парень. Он не заплакал, не побежал жаловаться, а просто стоял и смотрел на меня стеклянными синими глазами.

- За все и сразу! - я показала мальчишке кулак. - И не вздумай родителям жаловаться, а то получишь еще больше, уяснил?

Как показали дальнейшие годы - нет.

И снова стук в окно. И опять жалобные, но отчего-то такие счастливые глаза. И беззвучная просьба впустить его погреться.

Не хочу!

Не буду!

Я же потом от него не отделаюсь!

Но...

Рука сама потянулась к кнопке блокировки.

- Птица, да что с тобой? Мы тысячу лет не виделись, не рада что ли? - мужчина с трудом втиснулся на переднее сиденье моего миникупера.

- Рада? Рада? Да ну что ты, я просто счастлива встретить тебя и твою бабу в десять вечера на дороге, где в год проезжают три с половиной машины. Получить боковой удар, крыло, дверь и боковую подушку безопасности под замену. Торчать два часа в ожидании ГИБДД. Выслушать от тебя кучу гадостей, едва не получить перелом ребер и все это на фоне жуткого голода, усталости и головной боли. Как ты думаешь, насколько по шкале от одного до десяти я рада?! - ударила кулаком по рулю. Сигнал взорвался пронзительным визгом.

- Блин, Птица, ну прости меня, а?

- Нет.

- Хочешь я дам тебе свою карту и разъедемся? Оплатишь ремонт, потом вернешь мне карту.

- Нет.

- Ну, пойми, мне тоже не улыбается торчать тут еще час минимум. Я вообще-то хотел своей девушке сегодня предложение сделать. Кольцо купил. Правда красивое? - он сунул мне под нос открытую коробочку.

- Делай.

- Но я же не могу в машине! У нас ресторан заказан, музыка... Птица, ну будь же человеком!

- Нет.

- Что нет?!

- Все НЕТ! Думать надо было прежде, чем сажать ее за руль. Или хотя бы научить ее водить машину. Теперь сиди и жди гайцов, а потом мотайся по страховым компаниям, как это буду

делать я и делают миллионы простых смертных.

- Сволочь ты, Птица! - выдохнул красавчик.

- Что-то в этом мире должно оставаться неизменным! - отчеканила я и рванула дверь, ибо ГИБДД наконец соизволили появиться.

Второй полет

Максим потирал ноющие виски. Из головы никак не шла вчерашняя встреча. После стольких лет по счастливой случайности столкнуться с кусочком своего детства и юности... Это правда было, как глоток свежего воздуха. Пока... Пока его снова не тыкнули мордой в грязь, не приложили об колено и не распустили душу на ленточки!

О, Птица, как никто другой умеет измываться над человеком и если бы по данному виду спорта проводились соревнования, то она была бы бессменным чемпионом!

Мужчина допил минералку с растворенной таблеткой от похмелья.

Предложения вчера не получилось. Зато пьянка удалась на славу...

Невеста потеряна.

Машина неизвестно где.

Последнее воспоминание - лицо Птицы с выражением невыносимого страдания на лице.

Но это, наверное, уже глюк.

Максим побрел в ванную.

Он вошел, открыл горячую воду, оперся руками о раковину и посмотрел в зеркало. Оно явно над ним издевалось: на челюсти подмигивал желтым глазом в фиолетовом окружении здоровенный синяк, рот открывался с трудом и огненной болью, правая щека бережно хранила отпечаток девичьей ладони, а на нижней губе отпечатались чьи-то зубы.

Господи...

То ли он кого-то пытался изнаsilовать, то ли его...

На всякий случай мужчина заглянул под резинку трусов и облегченно выдохнул: все было в целостности и сохранности, правда, в слегка интересном виде: на гладко выбритом лобке скалилась морда черта, из рта которой свисал... И каким-то шестым чувством Макс знал - тату настоящее.

Полный п...ц!

Мужчина умылся, почистил зубы, затем влез под душ. Мылся он, задрал голову вверх. Смотреть на то, в каком антураже отныне вынуждена находиться его краса и гордость, было выше обычных человеческих сил.

Закончив, Максим обернул бедра полотенцем и направился на кухню. Несчастный организм требовал вредной жирной пищи, ибо вчерашний алкоголь переварил все накопленные запасы клетчатки и зарился на мышечную массу.

Уже на подходе мужчина почувствовал неладное. На его кухне кто-то хозяйничал. Причем, судя по звукам, этот кто-то был из разряда особо злобных барабашек, ибо так обращаться с посудой и ворчать могут только они. Железо бухало, стекло звенело, а комбайн захлебывался истерическим визгом мощного мотора.

Максим осторожно заглянул в помещение. Нет, это был не барабашка. Хуже. На кухне хозяйничала Птица собственной персоной. Первое желание - выпрыгнуть в окно мужчина отверг сразу же. Пятнадцатый этаж все же, а крыльев у него за спиной нет. Второе, сбежать через дверь, было слишком банальным, да и стоило опасаться наличия особо опасных ловушек у данного стратегического объекта.

Максим прекрасно помнил одну далекую историю...

Казачьи-разбойники. Девять девчонок против десяти пацанов. Победители загадывают желание. Все, что угодно, и Макс уже знает предвкушает победу. Среди девчонок есть Светка, блондинка в розовом платье и башмачках со стразами. От нее пахнет ягодами, и она так мило смущается, когда она за ручку ведет ее до подъезда. Сегодня он ее поцелует. Темница в густом орешнике уже обустроена специально для этих целей. И никто не в силах ему помешать!

Девчонки бросились врассыпную. Парни, выждав положенное время, помчались за ними, следуя нарисованным стрелочкам. Вскоре, им пришлось разделить. Тут-то и началось самое интересное...

Когда хромой, ободраный и перемазанный краской Максим решил плюнуть на игру, лишь бы живым добраться до дома, ему улыбнулась удача - он заметил клочок розового платья, прищемленный дверью гаража, и с криком 'ага, попалась!' ворвался внутрь. И ведь действительно попалась, но не она, а он... То кресло с ремнями в гараже и спрятанные за стеклами круглых очков летчика глаза Птицы он никогда не забудет. Атамана Макс сдал через пять минут...

- Настя... - он не знал, что сказать дальше.

- Проснулся? - банка с медом с грохотом заняла место на столе. - Садись. Ешь, - гостя распорядилась, как у себя дома.

Макс сел. Спорить с женщиной, когда у нее в руках разделочный нож - у мужчины инстинкт самосохранения еще не совсем отказал. Птица швырнула на противоположный край стола тарелку и присоединилась к завтраку. Когда она повернулась Максим рассмотрел синяк под глазом у женщины и распухшую губу.

- Насть, у тебя синяк, - сказал он просто, чтобы начать разговор.

- Да? То-то я думаю, почему у меня глаз не открывается и болит! А у меня там синяк оказывается! - горячий оладушек был растерзан за секунду.

- Это... это не я? - осторожно спросил мужчина.

- Нет. Охранник.

- Чей?

- Ресторана, где ты хотел сделать предложение своей подружке.

- Хотел? - внутри у человека внутренности сжались в тугий узел. - Значит, не сделал?

- Нет, - а Птица успела склевать второй оладушек.

- А почему?

Девушка вздернула медные брови.

- Ты застал ее в мужском туалете с тем самым охранником.

- Тааак...

- И полез в драку. Хотел защитить честь и достоинство.

- Чьи? - Максим хотел провалиться сквозь землю. Как он такое мог допустить?!

- Ну, не мои же, - фыркнула женщина.

- Хорошо, но как это все связано с украшением на твоем лице? - прямой связи мужчина не видел.

- Я полезла тебя защищать. После пять по пятьдесят коньяка мне показалось, что бить тебе морду исключительно моя прерогатива.

- И? - кольнуло сердце. Птица вчера была права: не к добру они встретились.

- И получила по своей.

- А охранник? - чтобы кто-то уделал бешеную... Макс, конечно, человек верующий, но не в фантастику же!

- Точно не помню, но, кажется, ему придется обратиться к пластическому хирургу - у него был выдающийся нос. Хм, и к урологу, - добавила женщина.

- Эээ?

- У него не только нос был выдающимся, - пояснила гостя.

- ...! - выругался мужчина.

- Это позже. На драку прибежал менеджер ресторана.

- Ему к хирургу или к урологу? - упавшим голосом поинтересовался Максим.

- Дантисту, - лаконично ответила Птица.

- Уже лучше, - порадовался за несчастного человек.

Гостя пожала плечами, жуя третий оладушек. Парень еще ни к одному не прикоснулся, хоть и положил горку на тарелку. Аппетит был слегка испорчен новостями.

- А с чего все началось? Мы как в ресторане оказались? Да еще все вместе. Помню, ты горела желанием избавиться от меня.

- Пока мы с ГИБДД оформляли документы обе наши машины смяла фура. У нее тормоза

отказали. После этого мне было глубоко плевать где и с кем пить.

- Угу, - с машиной тоже все прояснилось. - Ну а, как ты у меня в гостях оказалась?

- Ты заявил, что после совместных приключений я обязана на тебе жениться и полез целоваться. Я послала тебя к черту. Ты ответил, где именно видел того самого черта... Кстати, тебе понравилась татуировка? - улыбнулась женщина. Мужчина густо покраснел. - Пока ее делали, я уснула, а проснулась уже здесь, когда такси нас доставило по этому адресу. Хотела уйти, но ты выкинул ключи в окно и разбил магнитный замок, заявив, что не выпустишь добычу из своего логова. Вроде бы я ничего не забыла, - Птица поскребла подбородок.

- Я - идиот! - понуро опустил голову мужчина.

- Знаешь, мне даже спорить не хочется. Приятно, что человек сам отдает себе отчет в своих умственных способностях, - женщина вылезла из-за стола и направилась в ванную.

Максим дождался шума воды за дверью и со стоном уронил голову на стол. Он, безусловно, был рад видеть Птицу. Но только вчера. И уж точно не ожидал, что она совет гнездо в его квартире!

Третий полет

Я рвала и метала. Рвала ветошь, метала гаечные ключи.

День не заладился.

Оно и понятно, после таких выходных!

Сначала мне пришлось посетить травмпункт. Просто убедиться, что с головой все в порядке, нет скрытых травм и сотрясения мозга. Заодно хотела получить таблетки, ибо распухшая губа причиняла гораздо больше беспокойства, чем подбитый глаз. Похоже у него во рту биологическая лаборатория с особо опасными вирусами! В следующий раз перед поцелуем заставлю зубы почистить.

В какой следующий раз?!

Его однозначно не будет!

Докторша, увидев меня, предложила снять побои для заявления в полицию. Я слегка удивилась и просветила, что заявление должна подавать жертва, но она в ближайшее время вряд ли сможет это сделать, если вообще решиться, ведь не каждый двухметровый бугай признается в том, что его побила женщина ростом метр шестьдесят три.

Врачиха отреагировала странно. Почему-то спросила не принимаю ли я наркотики... И почему-то закашлялась, когда я вежливо поинтересовалась не желает ли она их мне продать? Нет, я не для себя спрашивала - для полиции, ибо если сдавать доктора им, то с доказательствами. Тетка покраснела, распухла, глазами засверкала и через десять минут смогла произнести, что врач - профессия хоть и бедная, но гордая и до такой мерзости, как продажа наркотиков она лично никогда не опустится.

А зачем тогда вообще заводить о них разговор было? Врачи странные люди...

Дальше - больше. Один из механиков моего сервисного центра в нарушение техники

безопасности полез ремонтировать заклинивший подъемник. Очевидно, в его мозгах тоже что-то заклинило, раз он решил один на один с довольно сложной немецкой техникой потягаться, не дожидаясь мастера от поставщика. Подъемник он, конечно, сделал, только свою ногу сломал. И пришлось мне его тащить в травмпункт. Ага, в тот же самый.

Врачиха курила у входа. Узнав меня, она поинтересовалась, не та ли это жертва, о которой я упоминала утром. Я была предельно лаконична, ответив - другая. Когда тетка закончила кашлять и выбросила недокуренный бычок в мусорку, мы вдвоем смогли дотащить механика до каталки и погрузить на нее человека, после чего меня отпустили с миром, дважды перекрестив. Я так и не поняла, меня изгнать хотели или благословение дали...

Однако, вернувшись на работу, я застала у своей двери полицию. Знакомые ребята спросили что случилось: со мной, механиком, в травмпункте... Поржали. Попили кофе. Перед уходом попросили быть аккуратнее с персоналом травмпункта: он один на два района и врачи в нем должны быть если не трезвыми, то хотя бы в адекватном состоянии, а то после моего визита их даже спирт в чувство привести не может.

Я распрощалась с полицейскими, с тоской посмотрела на свой кабинет, достала из шкафчика в раздевалке свою рабочую робу, переделалась и приступила к работе механика. Надо же было этого идиота со сломанной ногой кем-то заменить...

Когда я родилась, папа был жутко рад. Он хотел девочку. Насмотревшись американских фильмов он решил, что красивая девушка в робе, перемазанная моторным маслом и с гаечным ключом в руке невероятно сексуальное зрелище. У меня отбоя от женихов не будет, а что надо трепетному отцовскому сердцу? Только знать - дочь пристроена за надежной мускулистой спиной. Почему-то папашке в голову не пришло, что надежные спины будут воротить нос от запаха бензина, въевшегося в мою кожу, и неодобрительно взирать на обломанные ногти с черной каймой ногтей.

В общем, он решение принял. Оттого играла я сизмальства с набором отверток, собирала из конструктора подъемные краны, скорые помощи и имела дома дорожную коллекцию раритетных машинок. Став постарше, начала ходить с папой в мастерскую. Все нормальные дети на продленку в школе, а я двигатель собирать или в тормозной системе ковыряться.

Несмотря на тройки в аттестате в университет на инженерный поступила с лету. И осенью приехала туда на своей первой машине, собранной своими руками. Да, народный автомобильчик выглядел стареньким, но отжигал этот старичок, напичканный различными, усовершенствованиями, не по-детски. После того, как я уделала в драгрейсинге, все спортивные машины золотой университетской молодежи, клиентов у нашего автосервиса прибавилось. Но не у меня ухажеров... Правда, я об этом ничуть не жалела. Их раздражал запах бензина, меня - их парфюм. И кто придумал, что мужчина должен вонять еловыми ветками с мускусным ароматом?! Тьфу...

- Могу я видеть директора автосервиса? - я вынырнула из-под капота и посмотрела на гостя. Любопытно, кто такой смелый? Или он табличку перед входом не читал? На ней ясно написано: все вопросы решать со старшим механиком, ибо директор психически неуравновешенная личность.

В клиентской зоне стоял мужчина, одетый в кашемировое пальто.

Белое.

Чистое.

Это в принципе невозможно нашей серой московской зимой.

Наверное, в человеке было еще что-то примечательное, но я зациклилась на пальто. Оно буквально ослепило меня. Прислонившись к крылу машины, я стала ждать развития ситуации.

- Вы уверены? - неуверенно поинтересовался мастер-приемщик, стрельнув глаза в ремзону. Голос его дрожал.

- Совершенно, - клиент проявлял настойчивость.

- А объявление читали? - окончательно стушевался сотрудник.

- Оно правдивое? - кажется, до клиента стало кое-что доходить. Иногда, написанное на заборе, оказывается чистой правдой.

- Вполне, - я вышла в клиентскую зону. Черная рваная футболка, спущенные лямки комбинезона, полоска живота с пирсингом и тату, галоши на ногах, перчатки до локтя и плотно повязанный на голове тюрбан. - Послушайте умного человека, поговорите со старшим механиком. Он человек опытный, любит с людьми пообщаться. А директор наш ему полная противоположность. Еще и агрессивный. Его бы на цепь, но нет такой цепи, чтобы такое чудовище удержать...

- Вы в своем уме? - поинтересовался посетитель. И спрашивал он серьезно.

- Я? Нет, - призналась абсолютно честно.

Но кому нужна честность в наше время?

- А вы кто? - задал правильный вопрос мужчина.

- Директор данного автосервиса, - улыбка у меня была солнечной, ласковой и нереально безумной.

Он смотрел на меня очень долго. И очень внимательно. Буквально слой за слоем снимал кожу, жир, мышцы. Дошел костей и собрал все обратно. Неприятно, однако, я выдержала взгляд клиента не шелохнувшись.

- Значит так, - мужчина на всякий случай отошел от меня подальше, - я требую позвать сюда директора сервиса или внятно объяснить, где он находится. Также сообщить мне имя и должность... этой... - он скосил глаза на меня. - Я собираюсь подать претензию на ее неподобающее поведение.

Приемщик посерел и несмело взглянул на меня. Я милостиво кивнула. Сейчас будет еще веселее...

Сотрудник выдал кашемиру бумагу, ручку и начал диктовать:

- Пишите: генеральному директору ООО... Куропаткиной Анастасии Валерьевне... от... ваше ФИО... паспорт... телефон... заявление... прошу принять мера административного характера к генеральному директору ООО...

- Вы издеваетесь?! - взорвался клиент. - Это что шутка такая?! - он гневно тряхнул головой.

Я встала за стойку ресепшн, облокотилась на нее, расплылась в улыбке и назидательно

произнесла:

- Это, товарищ, не издевательство и не шутка. Это реальность. И вам с ней придется смириться. Так мы с вами здесь поговорим или наверху в моем кабинете? - улыбка стала еще шире. - У меня там потрясающий по размерам кожаный диван... - добавила с томным придыханием и облизнула приоткрытые губы. Кашемир начал отступать к выходу...

Четвертый полет

Юрий смотрел в экран компьютера, вертел в руках карандаш, крутился на стуле. В общем, мужчина занимался чем угодно, кроме своих должностных обязанностей, а был он ни много ни мало вице-президентом крупного IT-холдинга, занимающегося внедрением систем автоматизации на предприятиях. Пред Юрием лежали два договора, три коммерческих предложения о сотрудничестве, на краю стола стояла забытая чашка кофе, рядом с ней сох от несчастной неразделенной любви пончик Донатс с малиновым вареньем внутри. Сегодня мужчине было не до работы, еды и вообще всего, что происходит в мире. Случись вдруг конец света или второе пришествие человек вряд ли бы заметил эти грандиозные события. А все потому, что Юрий просто на просто был влюблен...

Он влюбился не сразу. Не с первого взгляда и даже не со второго. Примерно с третьего, что давало надежду на все-таки осознанный выбор, а не некую пресловутую химию, в результате которой два тела вдруг оказываются в одной постели. Со своей любовью Юрий в постели еще не был, но надеялся рано или поздно там оказаться. Все таки встретить свой идеал девушки посреди серых будней - наверное, это судьба!

Мужчина вздохнул.

- Обедать идешь? - в кабинет заглянул лучший друг и исполнительный директор в одном флаконе Максим Лазаров.

- Обедать? - а в голове возникла прерия, табун мустангов, старенький корвет на капоте которого разложены сэндвичи и девчонка в клетчатой рубашке, завязанной под грудью, и в короткой джинсовой юбке.

- Ты не заболел? - поинтересовался друг, проникая в кабинет и аккуратно закрывая за собой дверь.

- Я?! Из нас двоих ты брал два дня по состоянию здоровья. Вижу, еще не до конца оклемался, - мужчина намекнул на замазанные тональным кремом синяки. - Это где ж ты такую заразу подхватил?

- Ааа... - махнул рукой мужчина. - Не советую в тех местах бывать и с теми людьми общаться.

- Ну-ка, ну-ка, излагай... - вице-президент подался вперед.

Максим закатил глаза, уселся в гостевое кресло и проникновенно сказал:

- Я встретил девушку...

- У тебя уже есть одна!

- С ней я расстался, - поджал губы друг.

- Ооо...

- Она мне рога наставила в день, когда я хотел сделать ей предложение.

- Ууу...

- За меня вступились. Та самая девушка. Мы с ней получили по роже. Оба.

- И девушка? - уточнил Юрий.

- И девушка. Утешает одно - нашего обидчика она отделала хуже, чем он нас.

- Девушка? - по мнению вице-президента Лазарову еще бы пару деньков дома стоило посидеть - он бред несет! Очевидно, удар по челюсти затронул какие-то причинно-следственные связи в голове друга.

- Она самая. Ты просто с этой девушкой не знаком, иначе не крутил бы у виска пальцем.

Мужчина смутился и опустил руку. Жест получился машинальным. Он вовсе не хотел обидеть друга или обвинить его в чем-либо. Зачем? Отдохнет, синяк пройдет, глядишь, и в голове порядок сам собой образуется, а если нет, так можно к соответствующему доктору отправить. Добрый доктор поможет!

- Ну и? - сложил на груди беспокойные руки Юрий. - Это все или еще что-то было? - несмотря на фантастичность история выходила захватывающей. Словно сидишь в кинотеатре с бумажным стаканом Пепси в руке, хрустишь соленым попкорном и смотришь очередной шедевр Гая Ричи. Понимаешь, чушь же, но Боже, какая интересная и талантливая чушь!

- Утром я нашел ее у себя дома, - вздохнул исполнительный директор. - Она приготовила мне завтрак. Мы поели, после этого я вызвал взломщика и ремонтную бригаду из конторы, которые мне систему безопасности в квартире ставили.

- Тебя смутил обидчик, бывшая невеста или та девушка, которую ты встретил? - правая бровь взлетела вверх. Вице-президент не хотел иронизировать, против воли вышло, но получилось в тему и в точку.

- Нет. Я просто сломал систему, - улыбнулся мужчина. Признаться, он немного гордился содеянным.

- Ту самую супернадёжную с несколькими степенями защиты? - левая бровь присоединилась к правой. У Юрия в жилище стояла точно такая же система. Может, стоит ее сменить? Это проще, чем отказать Лазарову от дома. Друг как никак...

- Ага, ее, самую. Знаешь, говорят: против лома - нет приема. Оказалось, против удара кулака пьяного человека степени защиты тоже не очень хорошо работают, - улыбка превратилась в ухмылку. - Ладно, ты обедать идешь?

- Иду. Надо же дослушать историю...

- Я все рассказал. Надеюсь, ты меня развлечешь за едой.

- Ты меня ни с кем не путаешь?

- Да как можно! - возмутился Максим. - Эти обведенные черным глаза, красным рот и торчащие на висках кудряшки... Разве их можно перепутать?

- Клоун, - вздохнул Юрий.

- Ты-то? - мужчина хлопнул друга по плечу. - Ага, только грустный...

Пятый полет

Я положила трубку. Разговор с налоговым инспектором закончился как всегда - приглашением на покатушки.

И ничего странного в этом нет, мало ли какие веселые хобби бывают у скучных налоговых инспекторов, особенно, если они работают по протекции и родители денежек на счастье единственного дитяти не жалеют!

Димасик, наш районный инспектор как раз являлся представителем той самой золотой молодежи. Он любит деньги, скорость и сговорчивых девочек в коротких юбочках. Меня он терпит в своем окружении, ибо денег с меня лишних не взять, на трассе я его делаю, юбки не ношу принципиально и сама уболтаю кого угодно на что угодно: помниться, в начале его карьеры мне налоговая полмиллиона выплатила по приказу за его подписью... Мелочь, а приятно! Кому как правда...

С тех пор у нас с Димасиком вооруженный нейтралитет: он меня не трогает, я ему машину тюнингую с максимально возможной клиентской скидкой. Можно было и без этого обойтись, но мы часто по одним и тем же дорогам ездим, а он бешеный... почти как я...

Разговор с налоговиком вызвал в памяти неприятные воспоминания. Машинально, я облизала поврежденную губу. Если глаз быстрыми темпами идет на поправку, то губа и не думает проходить, по крайней мере дважды в день напоминая о злосчастной пародии на поцелуй. А ведь это не в первый раз, когда у Макса разум помутился...

Они играли в бутылочку на веранде детского сада. Пятеро мальчишек и столько же девочек. Прекрасная половина компании смущалась, хихикала, но весьма охотно подставляла неумело накрашенные губы. Я в игре участия не принимала. Во-первых, не хотела. Во-вторых, после ОРВИ простуда разнесла губы до невероятных размеров. В-третьих, мальчишки и так едва не сбежали при виде меня в компании девочек. Еле-еле успела выход перегородить.

Я играла в змейку на телефоне, крутила бутылку и отпускала ехидные комментарии. А что? Зачем Юлька из себя недотрогу корчит, если буквально вчера я ее видела в подъезде со старшекласником из соседнего двора?

Если бы не я, то они явно не остановились бы на поцелуях, на практике осваивая процесс 'откуда дети берутся'!

И после этого она будет стыдливо глазки в пол опускать и губы трубочкой вытягивать? Тьфу, смотреть противно!

К десяти вечера нецелованной только я и осталась. Не испытывая сожалений, угрызений совести и печали по этому поводу, я стала разгонять компанию по домам. Сперва, они требовали продолжения банкета, но прозрачный намек на толстые обстоятельства в виде злобной собаки, поселившейся в парке по дороге от садика до нашего двора, и одиночную

прогулку по этой самой дороге, решили вопрос в мою пользу - ватага девчонок потянулась за мной. Парни гордо шли в некотором отдалении.

Ага, охраняли.

И эту охрану как ветров сдуло при первых признаках засады...

Огромная черная тварь выскочила на дорогу, зарычала и пошла на нас.

Поднялся визг.

Девчонки орали так оглушительно, что несчастная псина опешила, присела на задние лапы, прижала к голове уши и через секунду рванула назад. Я за ней. Собака сбежала. Юркнула куда-то и растворилась в темноте. Я плюнула на нее и вернулась на дорогу. Ни девчонок, ни парней не было. Для очистки совести крикнула пару раз, не дождалась ответа и намылилась домой идти, как сверху прилетел ботинок. Едва от прыгнуть в сторону успела.

Сей факт меня заинтересовал. Ботинки обычно сами по себе не летают. Точнее, они вообще не летают. За редким исключением. Как раз такое стояло на тонкой ветке у меня над головой, вцепившись в ствол дерева обеими руками, и клацало зубами то ли от холода, то ли от страха.

- Эй, ты что там делаешь? - крикнула я, пиная ботинок.

- Ссстою... - проблеял приличный мальчик Максим Лазаров.

- Спускайся, настоялся уже, - буркнула я. Хотелось уйти, но шестое чувство удерживало на месте.

- Ннне могу, - последовал ответ.

Неожиданно!

- А как ты туда забрался? - теоретически можно обратным путем спуститься.

- Ннне помню! - о как! Я прислонилась к дереву. Одолеvalo жуткое желание сбежать и вернуться утром. К этому времени парень дозреет и естественным путем вниз спустится. - Птица, а ты мне не поможешь?

- Тебя сбить или стрясти? - любопытствовала.

- Не надо меня трясти!

Спуститься не может, а возмущаться - легко! Какой-то Максимка непоследовательный.

- Значит, сбить, - хмыкнула. На самом деле размышляла чем помочь тому, кто и летать не может и падать не хочет.

- Птица, прекращай издеваться! Вот если бы ты попала в такую ситуацию...

- Я?! - искренне удивилась. - Да чтобы я когда-нибудь занималась тем, чем не умею? Ты идиот, Лазаров! - беззлобно фыркнула. - Спускайся, давай, я буду говорить куда ногу ставить и за что хвататься.

- А если я упаду, ты меня поймашь? - полный надежды голос.

- Ага... - отойду в сторону.

Через сорок минут вывернутых наизнанку нервов, парень спустился. И сразу вцепился! Нет, не в дерево - в меня! Но дерево мне стало жалко: оно никакой возможности отбиться не имело, в отличие от меня.

- Птица, ну, куда ты?! - стонал под деревом Лазаров.

- В теплые края! - огрызнулась, не сбавляя ходу. Это же надо было так со мной поступить вместо благодарности!

- Я же просто поцеловал тебя! - не унимался Максим.

Меня передернуло.

Немного подумав, я перекрестилась и сплюнула через левое плечо, авось поможет. Хоть что-нибудь. На следующий день Лазаров был мрачен, аки туча и прикрывал рот шарфом, а у меня простуда пошла на убыль...

Бах!

Я резко подпрыгнула и распрямилась. Затылок неминуемо повстречался с открытым капотом Мерседеса, чьи хромированные кишки я проверяла. Шикнув на подлую бездушную тварь, я погрозила ей отверткой и направилась узнать что и почему в моем сервисе падает без моего разрешения.

Как выяснилось в сервисе все было на своих местах, исключая сотрудников. Я почесала затылок, ущипнула себя за нос и осторожно выглянула в клиентскую зону. Она тоже была пуста.

Я сглотнула, посмотрела на отвертку в своей руке и задумалась. Версий было три. Первая - мистическая: всю мою команду черти в Ад утащили. Механикам в Рай вход заказан: рожей не вышли и лексикон не тот. Ребята во время работы отнюдь не псалмы поют! Вторая - фантастическая: инопланетяне на орбите заглохли, и в перерывах между медицинскими опытами заставляют моих парней их звездочет клепать. В этом случае они скоро вернуться. Как доломают, так и вернуться... Третья - фэнтезийная: все разом в другой мир переместились. Ага, зимние копыта лошадям впаривать и спортивную подвеску на кареты ставить!

В тишине опустевшего сервиса жалобно тренькнул телефон. Я недовольно покосилась на аппарат, но решила ответить, хотя никогда с клиентами не разговариваю - жалко их мне. Они же ничего плохого не хотят - это я их по доброте душевной во всем и сразу подозреваю.

- Слушаю, - бросила в трубку.

- Птица, ты? - спросил невероятно удивленный знакомый голос.

Я отняла телефон от уха, внимательно осмотрела его, ища признаки предательства или галлюциногенных веществ, ничего не нашла и приложила обратно.

-... ты согласна?

- На что? - пробормотала озадаченно. Снова повертела трубку в руках. Потрясла ее. Постучала по ней. Откуда Лазаров мог номер узнать? Мы не даем рекламу ни в справочниках,

ни в Интернете. У нас без этого клиентуры хватает.

-... твоё мнение?

- О чём?

- Ты меня слушаешь?

- Зачем? - ужасно зачесался кончик носа. Не к добру это!

- И как это понимать? - в голосе Максима читалась обида. - Что? - чего он от меня хочет?!

- Птица, ты невыносима! - вздохнул мужчина.

- Ты только сейчас это понял? - я порылась в ящике мастера-приемщика, нашла шоколадку, развернула ее и смачно захрустела. - Лазаров, фто тебе от меня фнадо?

- Я пытаюсь пригласить тебя на обед. Вот уже семь минут. Ты можешь хотя бы из жалости согласиться?

- Зачем? - аппетит мгновенно испортился.

- Зачем человеку обедать или зачем соглашаться? - второй вздох подобно урагану пронёсся по проводам.

- Зачем мне с тобой обедать?

- По-дружески. Посидим, вспомним старое...

- Подеремся, ресторан разнесем... недавно проходили. Воспоминания еще свежи. Давай не будем.

- Птица, не заставляй меня тебя уговаривать... - а вот теперь прозвучала угроза.

Я икнула и выронила шоколад.

- Не смей! - рявкнула в трубку.

- Ага, испугалась?

- В тюрьму садиться не хочу! Но не вынуждай рисковать, есть шанс, что меня оправдают. Говори, где и когда. А главное, обещай, забыть номер этого телефона.

- Считаю уже все сделано, - и мужчина продиктовал адрес и название ресторана.

Через пять минут сервис заполнился галдящим народом. Оказывается, на улице 'села' машины и механики всей когортой кинулись помогать попавшему в беду человеку. Помогли. Машине. Человеку же явно требовалась скорая психологическая помощь...

Давешний 'кашемир' был в том же самом пальто. А еще по уши в грязи. Я молча протянула человеку салфеточку и закрыла глаза.

Вдох.

Выдох...

Гыыыы-ыыы...

- Не смешно, - отчеканил 'кашемир'.

- К-кому?! - я сползла по стойке ресепшн. - Я не виновата, что у вас чувства юмора нет, - пожалала трясущимися от смеха плечами. - Кстатм, зачем вернулись? Мы вроде выяснили, что проблемы с двигателем кроются в октановом числе заливаемого бензина?

- Хотел продолжить эту увлекательную дискуссию за обедом.

- За... чем?!

Мои сотрудники задержали дыхание, ожидая развязки.

- За обедом. Завтра.

- Вы больны? Я вам нахамила, я вас оскорбила, я вас послала открытым текстом, а вы меня на обед приглашаете?

- Я прекрасно понимаю, что мои вкусы относительно девушек отличаются от нормы. Проще говоря, считайте меня извращенцем, - поджал губы 'кашемир'.

- Ооо... - честность мужчины восхищала. - Просто ради интереса, что будет, если я откажусь?

- Мы все равно пообедаем, только я и обед приедем сюда.

- Я согласна, - поспешно кивнула. - Один раз - не... - в общем все в жизни попробовать надо.

Мужчина записал адрес и время на листке бумаги. Затем откланялся и удалился восвояси. Я же почесала макушку, дала несколько моральных пинков персоналу и заперлась в кабинете. Мне следовало подумать с кем и куда завтра идти. И идти ли... Ибо адрес и время обоих приглашений совпадали...

Шестой полет

Подруг у меня не было, поэтому в качестве советчиков я избрала сотрудников своего сервисного центра. В тот же дверь приставать к ним не стала: и так слишком много событий для их линейного разума, но на следующий...

Заявилась на работу пораньше и первым делом пристала к Полине Георгиевне. Наша уборщица - особа аристократических кровей, как она сама уверяла, обладала незаурядным опытом в общении с мужчинами. Опять же по ее словам. Я же слабо себе представляла молчаливую старуху с горделивой осанкой, изогнутым орлиным клювом носом и пронзительным взглядом в качестве невесты на выданье, за которой в свое время выстраивалась огромная очередь. Эта дама, чье сходство с мифической медузой Горгоной подтвердит любой знаток Греции, одним своим взглядом способна парализовать кого-угодно. Может быть поэтому, несмотря на очередь в прошлом, до настоящего никто из ее ухажеров не дожил?

В буквальном смысле слова.

Ибо ходят по мастерской слухи, что Полина Георгиевна аж трижды вдова с немалыми

средствами за душой, а у нас работает потому, что физический труд облагораживает человека: если уж из простой обезьяны homo sapiens получился, то почему бы потомственной дворянке на старости лет принцессой не стать? У нас в мастерской все кони на лицо видны, а по ним и принца себе подобрать раз плюнуть!

Что из всех рассказней правда, а что чистой воды маразм - не знал никто. Спросить боялись, ибо есть негласное правило: не трогай уборщицу и она не тронет твое рабочее место. Что для механика главное? Правильно, порядок на рабочем месте! Правда, сей порядок зачастую форменный бардак напоминает, но если к нему, родному, кто другой прикоснется...

Через пять минут беседы с Полиной Георгиевной я задумчиво вертела бутылек с клофелином. Его как представили, как универсальное средство от мужской распущенности и женской стыдливости. В моем случае, по мнению уборщицы, присутствовали обе проблемы!

Следом на работу явились два мастера-приемщика. Близнецы. Все в жизни делили на два. Кто все-таки отец их четырех детей не знали ни они, ни матери этих самых детей. А дети вообще на эту тему не парились, получая подарки и любовь в двойном объеме. Близняшки меня выслушали, улыбнулись и выдали презервативы. Разумеется две упаковки. А чтобы два раза не бегать!

Следующим явился наш местный волшебник. Тилек из Казахстана. Как в Москве оказался не помнит. Возвращаться обратно не хочет. Вот и прибил к нам. Потихоньку грехи автомобилями отпускает да бесов из них изгоняет. Знаете, помогает! Те владельцы машин, которые его в деле видели, крестясь из сервиса выходили и нашим воротам кланялись. Тилек мне амулет вручил. Двенадцать сплетенных вместе крысиных хвостов по идее должны отпугнуть нечистую силу. Не вопрос, главное, чтобы они санэпидемстанцию ко мне не привлекли...

Сан Яныч мне не поверил. Сказал, дураков связываться со мной нет, а если такие все же найдутся, то пусть к его сыну обращаются - к психиатру. И визитку его мне сунул. Вдруг я сама надумаю?

Бухгалтерша Лена со своей помощницей Лидочкой на секунду оторвались от увлекательнейшего мероприятия - подготовки к годовому отчету, посоветовались и сообщили, что для меня вероятность благополучно завершить встречу даже с двумя мужчинами равняется нулю. Тут уж не выдержала и возмутилась: они не мою гордость попрали, они математические законы пытались опровергнуть. На это девушки возразили, что математика работает с нормальными вещами в нормальной вселенной, я же ни что иное, как черная дыра, то есть объект загадочный, малоизученный и банально опасный.

Я хлопнула дверь и отправилась за утешением к Ленусе. Она у нас за винил и покраску отвечает. Ушлая блондинка модельной внешность сразу взялась за дело. Через два часа она собрала всех в мастерской, как делала это обычно представляя свое новое творение, и вывела под софиты меня.

- О...ть! - сказал Тилек на чистом русском и оперся на рычаг подъемника. Висящая на нем машина стремительно рухнула вниз. Она секунду стояла, затем отбросила передние колеса, оба бампера и выплонула на пол движок.

- Кётн сгин! - кое-что по казахски я тоже знала.

Оставив Ленусю и компанию разгребать последствия ее рук, отправилась в туалет посмотреть во что меня превратили. И час оттирала водостойкий макияж. Если ли так

отреагировали, то что с Максом и Кашемиром будет? Да и в конце концов это просто обед! Однако, клофелин, крысиные хвосты и визитку психиатра с собой взяла. Мало ли что в жизни бывает...

Седьмой полет

Максим сидел, как на иголках. На сиденье вычурного ресторанный стула возилось симпатичное семейство адски колючих ежей. Сквозь плотную древесину стола пророс мексиканский кактус, а внутри молодого человека, угнездившись корнями в мочевом пузыре, полыхал сладким ароматом пышный куст шиповника.

Ноги мужчины отбивали под столом чечетку. Пальцы рук выписывали на скатерти замысловатые узоры, изредка на миг замирали и снова пускались в пляс. Лазаров нервничал и не скрывал этого. И не мог успокоиться. А как иначе? Никак, если дело касается Птицы.

С детских лет, в юности и во взрослой жизни Птица вызывала одни и те же эмоции. При виде девушки мужчине хотелось прыгать, вертеться на месте волчком, отчаянно видеть хвостом, поставить ей лапы на плечи и облизать все лицо. И нет, Макс никогда не отождествлял себя с собакой, просто нет другой аналогии, чтобы выразить испытываемые к Насте чувства.

Птица это же...

При ее появлении сердце гибнет в пароксизме инфаркта. Горло перекрывает отек восторга. Альвеолы легких лопаются, будто упаковочная пленка, а мозг медленно умирает от нехватки кислорода.

И давно пора бы признаться себе во всем, но так страшно поддаться соблазну и оказаться в дураках с не раненым, но убитым сердцем, искалеченной душой и знать что отныне вместо надежды утешением будет служить память. Лазаров и так корил себя, что поддался уговорам друга, заявившего, что столь уникальный экземпляр, как Птица, необходимо ему продемонстрировать. А вдруг она не появится? А если фортель какой выкинет? Впрочем, в последнем случае 'если' меняется на обязательно.

Прошло пять минут от назначенного времени. Беспокойство усилилось. В голове разъяренной мухой це-це звенел вопрос: а вдруг не придет? И вторил ему: да как она посмела?! А в темной глубине с чертями на троих соображала жалость с самому себе: брошенному и обманутому...

Эхом эмоциям где-то поблизости запиликал похоронный марш на пронзительной расстроенной скрипке.

'Уж не знак ли?' - подумал мужчина, поймал несколько задумчивых взглядов посетителей и уккоризненный метрдотеля.

И вспомнил, что сам в поставил марш на звонок Птицы. В воскресенье это казалось смешным - ухочечешься! Сегодня просто пугало до примерзшего к позвоночнику желудка и скукоженных яичек.

- Ты не придешь... - сказал мужчина, приняв вызов.

- Почему? Я уже у ворот, - последовал ответ. Произнесенный уверенно и невозмутимо он

поднял на ноги в усмерть упившуюся надежду. Та поднялась, приободрилась в мутным взглядом обрела горизонт...

- У каких ворот? - затаив дыхание спросил Лазаров.

- Не знаю. Дизайнерских, кажется, - неуверенно произнесла девушка. - Здесь море, корабли, спрут... или кальмар... смотря с какой стороны посмотреть...

- Стой, где стоишь! - завопил мужчина и рванул к выходу. За ним потянулась случайно защемленная скатерть. Побледневший метрдотель, презрев присущую его возрасту степенность, молодым кабанчиком метнулся к столу. И вовсе не кошелек посетителя спасал мужчину, а ценнейшее венецианское стекло и мельхиоровую отделку столовых приборов. Художественное образование человека не позволяло ему потребительски относиться к произведениям пусть и ресторанного, но искусства!

А Максим ни на что не обращал внимание. Он бежал, зажав плечом телефон и слушал тихое дыхание. Мужчина боялся нажать 'отбой' и разорвать единственную ниточку, что связывала его и девушку.

- Птица!

Она обернулась.

Лазаров остановился в шаге от Анастасии. На лице мужчины расплылась глупая улыбка, отчего он утратил всякое сходство с человеком разумным.

- Лазаров, что с тобой? - девушка окинула его недоверчивым взглядом, явно выискивая признаки болезни. Иначе с чего бы мужчину так перекосило?

- Со мной? Ничего. Просто рад тебя видеть.

- Да? Удивительно! - фыркнула Птица. Она стянула дубленку, шапку и отдала все гардеробщику. Одернула белый свитер и украдкой спрятала в широкие карманы висящие лямки от комбинезоне.

- А ты разве не соскучилась? - решил поддеть знакомую Макс. - На шею мне не бросишься, не расцелуешь в обе щеки?

- Ну, если ты хочешь начать наш совместный обед с острой пищи для ума, а выражаясь конкретно с ссоры, то да - я соскучилась, - Настя повернулась к мужчине и сложила на груди руки.

- Издеваешься?!

- Я никогда над тобой не издевалась! - отчеканила девушка, воинственно выпятив подбородок.

- Да? И когда вылила на меня ведро грязной воды из окна школьного кабинета? - сузил глаза Лазаров, вспомнив несколько интересных моментов из общей с Птицей биографии.

- Я просто вылила воду. А ты просто проходил в этот момент мимо!

- Но почему в окно?

- А потому, что кто-то дверь запер!

Бровь Максима дернулась. Он точно знал кто это был. Но ведь он не со зла, а чтобы сюрприз подготовить! А ее запер дабы не сбежала, пока он за забытыми букетом бегал.

- И когда на выпускном мне с Наташкой помешала - не издевалась?

- Нет. Вы пытались сделать 'это' в автобусе!

- И что?

- На моем месте! Я всего лишь попросила вас пересесть, - вздохнула Настя.

- Окотив холодным шампанским... - не унимался мужчина.

- Ты бы предпочел теплым?

- Я бы предпочел, чтобы оно не в бутылке было! - рука инстинктивно потянулась к голове, на которой два шрама на память о том дне осталось.

- Извини, Наташка так орала, что любой бы на моем месте подумал о насилии...

- Она кричала 'еще'!

- Мы как раз на факультативе психологии стокгольмский синдром проходили, - насупилась Птица.

- Угу. И тортом в лицо ты мне тоже из лучших побуждений залепила?

- Сказать девушке в ее день рождения, что она никому не нужна? Знаешь, это было чересчур! - выдохнула девушка.

- Разве я был не прав? Ты сидела на лавке и одна ела торт. Кому ты была нужна в тот день?

- Очевидно тебе, раз ты час крутился возле меня и лавки! А у меня между прочим мечта была такая, съесть этот чертов торт хоть раз целиком и полностью одной. Понимаешь, до отвала! Все мне!

- Ты серьезно?

- Серьезной я была, когда торт тебе в лицо бросила, а сейчас шучу!

И опять они стояли напротив. И как всегда один забыл обо всех, потерявшись в мятной с шоколадом зелени глаз. А второй так хотелось реветь от обиды, но как-то очень давно был дан зарок: никогда больше слез. Тем более из-за этого... ЭТОГО!

- Прости, только сейчас прочитал твою смс... Макс, а ты что... - Юрий осекся. Он переводил взгляд с девушки на друга и не понимал ничего: почему эти двое вместе, когда они успели сцепиться и откуда, черт подери, они знакомы? - Вы знакомы? - последнюю мысль мужчина повторил вслух.

- А вы? - девушка выглядела потрясенной.

- Вы, я так понял, точно, - пробормотал растерянный Лазаров. Через минуту он сложил

картинку. И почему-то она ему очень не понравилась...

Восьмой полет

Я влипла. Классическое попадание между двух огней, молотом и наковальней, а также огнем и... Перечислять можно бесконечно, но сути это не изменит. Очень осторожно, стараясь не делать резких движений, я выскользнула из капкана двух неэлектризированных до предела мужских тел, встала сбоку и смущенно кашлянула:

- Поговорим за обедом?

Честно? Публичного кровопролития не хотелось. Да и я не приз, чтобы отдаться в разбитые руки победителя - предпочту добить несчастного, нежели заботливо его выхаживать.

Мужчины нехотя отвели взгляд друг от друга. Их взгляды были мутные, белки покраснели. Ни дать ни взять суслики в период весеннего гона. В воздухе отчетливо витал запах тестостерона. Он вызывал у меня легкое головокружение, вкупе с желанием вправить двум мужским особям мозг. И я поймала себя на том, что кулаки сжаты, а глаза непроизвольно выбирают куда бить: почки или печень?

И кроме всего я начинала заводиться...

Не стоило с Лазаровым связываться! Знала же, что как от энцефалитного клеща, не отделаться малой кровью, но не справилась с эмоциями и понеслось-поехало по холмам и буеракам. Все. Эта встреча точно последняя!

- Отдайте куртку, - обратилась я к гардеробщику и протянула номерок.

- Птица, ты куда?!

- За мамонтом! - огрызнулась, натягивая одежду. Правая рука никак не пролезала в рукав. Ах да, там же шарф! - Раз меня здесь кормить не собираются, то я сама добуду себе пропитание.

- Анастасия, подождите...

- Чего? - развернулась к мужчинам. - Когда по реке проплывет труп мамонта? Благодарю покорно, падалью не питаюсь, - и вжикнула молнией. Замок остался в руке...

Блин! Да что такое происходит?

- Так, Птиц, снимай оперенье, поедем, а потом я тебя отвезу в автосервис.

- Ее отвезу я.

- Меня отвезет обратно приятный, молчаливый и ненавязчивый мужчина, - отрезала я, прекращая бессмысленный спор.

- Кто?! - хором спросили братцы-кролики.

- Водитель метropоезда! - направилась к двери.

- Птица!

- Настя!

От дальнейших воплей меня спасла дверь. Уф... Что за люди эти мужчины! Сунула руки в карманы. Упаковка презервативов неприятно зашуршала. Да, близнецы немного ошиблись: плюс минус километр где-то. Мне ни двойного, ни одинарного удовольствия не светит! Разве что гибель от голода...

Рассчитывая плотно поест, я даже приготовленный бутерброд оставила томиться в рюкзаке, а между тем кушать хочется до рези в животе.

Макдональдс!

Примерно в километре на перекрестке светилась желтая буква 'М', обещая неземное блаженство. Меня дернуло туда словно на привязи. Мучимая только одним желанием - вонзить зубы в сочную говяжью котлету и булочку с кунжутом, я практически бежала к спасительному заведению, а потому не сразу услышала крики за спиной. Впрочем, даже услышав и узнав, попыталась проигнорировать их, но в меня вцепились с обеих сторон и заставили притормозить.

Желудок обиженно взвыл - обещанный мамонт улетучивался из затуманенного сознания со сверхзвуковой скоростью, а мысли резво поскакали в сторону каннибализма...

- Настя, я хотел перед тобой извиниться, - начал 'кашемир'.

- Прощен, - сглотнула слюну и покосилась в сторону 'М'. Буду я еще по мелочам спорить и отношения выяснять, когда до цели пятьсот метров!

- А я? - кошмар моего детства сверкал белозубой улыбкой.

- У тебя вообще отпущение грехов до конца жизни, только отстань, хорошо? - я выдернула рукав куртки из лап Лазарова.

- А если нет? - улыбка чудовища стала шире. И в эту белизну так хотелось привнести парочку черных пятен...

- Макс, заткнись. Дай мне пять минут поговорить с Настей.

- Да Макс, заткнись. А вы... Юрий, да? Так вот, я уважаю чужие желания, однако, свои больше. И сейчас ваше желание противоречит моему. Это конфликт. И конфликт может быть решен двумя способами: мы мирно расходимся; ухожу я, а вы остаетесь лежать на тротуаре. Я не пацифист. И действительно считаю, что иногда прямой удар в лицо позволяет быстро, доходчиво объяснить любому человеку очень многое.

- Хорошо, - смиренно опустил голову мужчина, - что вы хотите, Настя?

- Пять гамбургеров, большую колу и пирожок с вишней.

- Что? - Юрий нахмурился.

- Макдональдс. Мы идем туда, - махнула рукой в нужную сторону.

- А я? - влез в разговор Лазаров.

- Ты не ешь вредную пищу, - это я прекрасно помнила.

- Я ее нюхаю! - ухмыльнулось прошлое. Желание отправить Максима в стоматологу становилось нестерпимым. - Ой, Птиц, а чем у тебя карманы забиты?

И прежде чем я успела возразить эта зараза извлекла под бледные лучи простуженного солнца две упаковки презервативов. Краснела я медленно и мучительно...

Восьмой полет

Максим жевал нечто большое, жирное, набитое травой, луком, майонезом. Несомненно вредно. И сто процентов обалденно вкусное. Название сего блюда он не запомнил, да и ни к чему, когда меню представлено в аппетитных картинках. Наслаждаясь едой, мужчина одновременно наслаждался и тишиной. И красными пятнами на щеках спрятавшейся за стаканом с колой Птицы. Да, ему было хорошо. Определенно. Хотя бы потому, что злая и смущенная заноза детства не желала ни с кем поддерживать беседу, несмотря на все попытки Юрия расшевелить ее.

Лазаров украдкой посмотрел на друга.

Быть может уже бывшего друга, ибо блондин не только обладал нордическим характером, он еще и питал крайне собственнические чувства ко всему, что попадало в его поле зрения. Шутка ли: он даже ручки со своего стола брать не разрешает, а тут целая девушка...

И без разницы, что Максим в отношении Насти на большее, чем смертельно больная дружба не претендует, ибо не дурак, а банально боится, что Птица его через мясорубку своего мозга-сознания провернет, котлеты сделает и бродячим кошкам скормит. А вот Юра... гад, сволочь, предатель... посмел в отношении не кого-нибудь, а в отношении личной, находящейся в исключительном пользовании господина Лазарова, девушки свои руки протянуть. Без разрешения!!!

Как посмел...

Он от нее футбольным мячом в лицо получал?

Разве его коржики она в школе отбирала?

А может, это Седов три часа на лютом декабрьском морозе пытался с гаража заброшенный туда портфель снять?

У некоторых определенно проблемы с совестью.

Большие.

Ее у некоторых просто нет.

- Ну, так ты скажешь или нет к чему тебе такой набор? - мужчина раз в пять минут напоминал Птице о найденном в ее карманах кладе. - Например, зачем тебе клофелин и презервативы?

Девушка упорно молчала, зло сверкая глазищами из-под длинной челки, но не сейчас. Всему приходит конец - ангельскому терпению тоже. Птица не выдержала:

- Изнасиловать вас хотела! - прошипела она. Тихо, но компания студентов за соседним столом услышала и с интересом принялась греть уши, явно рассчитывая на 'жареные'

подробности. - А клофелин, чтобы не дергались и не сопротивлялись!

Юрий закашлял в кулак, пытаясь удержать во рту еду.

Максим же невозмутимо продолжил наступление. Страшно, до невозможности, хотелось позлить Настю, так чтобы она показала свой чертовски сложный характер в полном объеме. Ради этого Лазаров был готов рискнуть своего головой и любой другой частью тела на выбор. Еще никогда он не чувствовал себя более смелым, чем сейчас.

- Допустим, - сдержанно кивнул мужчина, - у каждого из нас есть определенные сексуальные фантазии, - Максим наклонился через стол и завершил фразу интимным шепотом: - Поверь, секс с двумя мужчинами одновременно еще не самое странное, что может услышать от женщины. Я могу тебя понять. Но крысиные хвосты тебе зачем? И как они связаны с визиткой психиатра? - приготовившись слушать, мужчина подпер подбородок ладонью.

Настя побагровела. Даже белки глаз и те покраснели.

Она отложила пирожок, оставила кока-колу.

- А это, дорогой мой, два первых приза. Хвосты тебе. Раз не получается от тебя обычными способами избавиться, то я решила альтернативные попробовать. В браслетике и порча, и сглаз, и венец безбрачие, и парочка проклятий. А визитка ему. Шанс хочу человеку дать, вдруг он одумается? Или ему помогут одуматься! - Птица закончила и выдохнула.

Юрий зажав рот бросился в туалет.

Макс проводил его взглядом и вернулся к собеседнице.

- Видишь, что ты наделала? И почему ты не можешь быть, как все? - вздохнул.

- Как все? - девушка собрала на поднос пустые коробки и обертки.

Слабой. С макияжем на лице. С укладкой на голове. На каблуках. В пальто или приталенной куртке...

- Женщиной, в общем, - вслух подвел итог мужчина своим философским мыслям.

- Как все? - Птица встала, встрепенулась. - Лазаров, я лучше в гроб девственницей лягу, чем как все буду!

И грянули аплодисменты. Кто-то особо впечатлительный прослезился. Оказывается, они уже давно беседовали на повышенных тонах, а последняя фраза заключительным аккордом выстрелила в полной тишине...

Когда Юрий вернулся, Насти уже не было. Она сбежала мгновенно, не желая быть в центре внимания. Шокированный Максим никак на уход девушки не отреагировал. Он сидел и пялился в пространство, механически жуя обертку от чего-то жирно-вкусного, и переваривал полученную информацию.

Блондин все понял без пояснений, а что не понял, то додумал с лихвой, окрестив про себя друга моральным уродом и пообещав выяснить всю подноготную из отношений с женщиной, которую уже видел в подвешенном рабочем комбинезоне с букетом гаечных ключей в руках. Юрий тронул Максима за плечо и указал глазами на выход. Без Насти в дешевой забегаловке

было находиться совсем неудобно. Двое хорошо одетых мужчин смотрелись в Макдональдсе, как чистые отмытые выставочные бараны, отправленные за проступок в обычный хлев к рогатой борзоте.

Уже на улице, хватанув порцию холодного воздуха, остудившего расплавленные мозги, Лазаров пробормотал:

- Надо же, она девственница...

- Что? - переспросил Юрий.

- А? Нет-нет, ничего, это я так, о своем, о девичьем...

Девятый полет

Мой рев разносился по автосервису. Его не могли заглушить стрекотание пневматических гайковертов, жужжание шуруповертов и цокотание металлообрабатывающих станков.

Я плакала навзрыд.

Уже где-то около часа.

Сотрудники упорно ничего не замечали, выкручивая на максимум звукаудиосистем ремонтируемых автомобилей. В итоге в сервисе стояла невообразимая какофония. Клиенты сдавали и получали машины в рекордно короткие сроки. Акты подписывали без претензий, а телефон попросту никто не слышал.

Но мне было все равно.

Я не плакала с пятнадцати лет.

А мне двадцать семь.

За это время, оказывается, немало причин для проливного соленого дождя накопилось. Я вспомнила все...

Восьмой класс, май, роскошный белый брючный костюм. Самое то после недели затяжных дождей, если идти аккуратно. Звук мотоцикла. Крадущегося черно-оранжевого зверя из-за угла. Разгон, езда на заднем колесе. И глубокая лужа, половина которой на моем белом брючном костюме. И сияющая рожа Лазарова, спрашивающего как мне понравилось...

Девятый класс. Экзамены. Взволнованное сопение одноклассников. Шуршание гелевых ручек о бумагу. Злой шепот за спиной. Торжественное шествие в сторону двери. Клочок бумаги на моей парте. Вездесущий учитель и ответы на разлинованной бумаге. И приписка: не благодари за помощь. Благодарности Максим не дождался...

Одиннадцатый. Выпускной. Школьный двор. Полчаса до отправления автобусов. Решаю ехать или ну его.к. Прохладный ветер. Чей-то пиджак опускается на плечи. В руке бокал шампанского. Обещание показать кое-что интересное. Мятный вкус губ Лазарова. И писклявый голос Наташки: где ты, зайчик. И этот кролик из страны чудес немедленно поскакал на зов...

И это только часть эпизодов. И сколько их было всего?! И понеслось по второму кругу.

- Можно? - в восемь вечера пришла наша уборщица. - Тааак... Сейчас вернусь!

Через десять минут она вернулась и положила передо мной на стол два пакета с конфетами: коровка и буревестник. Я перестала захлебываться слезами и захлебнулась слюной. Откуда она узнала о моих пристрастиях?!

Проклятие...

Вот кто мои запасы из нижнего ящика стола таскает!!!

- Еще куплю, - примирительно сказала Полина Георгиевна. - По какому поводу слезы?

- На-на-накопи-лось, - пропыхтела, запихивая в рот сразу две конфеты. - И-и-имею прав-во...
- и на закуску сдобрить белую начинку сладкой до спазма в горле коровкой.

- Да никто тебя этого права не лишает. Реви на здоровье, только что потом делать будешь?

- С-с-с чем? - постепенно успокаивалась.

Стыд, страх и едва сдерживаемое желание отправить Лазарова на больничный сходили на нет. Последнее, впрочем, не ушло совсем, а просто затаилось в глубине души, выжидая удобного часа.

Что мне с ним делать?

С воспитанным мальчиком из хорошей семьи...

Я ведь с одиннадцати лет пытаюсь его плохому научить, стереть радостную улыбку с его ангельски красивого лица, а он, как та кошка, что только обещает, а руку протяни и тут же шкура царапинами украсится.

Но ведь он не со зла!

Это у него порода такая со свойством, будто кость в горле застревать, дабы подобные мне не сожрали случайно! А я ни случайно, ни специально не хочу - он сам вокруг меня трется и норовит внутрь залезть через... через... в общем, он уже через все места пробовал, даже через попы кожи просочиться пытался.

- Ни-ни-ничего, - выдохнула. - Ж-ж-жить и по возможности без чужого носа в личном пространстве.

- А вот и неправильно! - с жаром выпалила Полина Георгиевна. - У тебя личное пространство слишком большое. Тебе его заполнить надо!

- Ч-чем? - я испуганно откинулась на спинку стула.

Зажатая в руке конфета стремительно таяла от резкого скачка температуры. Я простор люблю и свободу. За каждый сантиметр пространства готова насмерть стоять. И мне не жаль тратить время на уборку, полировку и очистку от мусора. Это моя душа! Идеально белая! И никому не позволено в нее своими кисточками с яркой краской тыкать!

- Нуу, - уборщица усмехнулась, хрустнула шеей и странно на меня посмотрела. - Хочешь носами заполняй, хочешь еще чем... у каждой свои предпочтения в размере и цвете.

- Ц-цвете? - я впала в ступор.

О негре я как-то не задумывалась... Но теперь... Ооо! Перед глазами так и висело... стояло... лежало... тьфу, ты! В общем, болталось оно, оливкового цвета... Как этот метроном: тик-так, тик-так...

Бум. Мой лоб соприкоснулся со столом. Но и это не помогло избавиться от назойливой фантазии. Блин, этот негр меня теперь до конца жизни преследовать будет?!

- Что с вами?

- Н-не-негр со мной... - и перед глазами по-прежнему тик-так, тик-так. Я застонала.

- Понятно. Собирайтесь. Идем, - приказала уборщица.

- Куда?

- В стриптизклуб. Мужской, разумеется.

- Зачем?

- Мечты в реальность превращать!

И мы превратили...

Десятый полет

Юрий любил посещать стриптиз клубы. Правда, ходил он не на женские программы. Мужчину не возбуждающим масляные оголенные женские тела, тесно общающиеся с шестом. Да, они были загорелые, где надо подкаченные, в других местах просиликоненные, с гладкой кожей, близко знакомой с монстрами косметической индустрии, но... эти красавицы с идеальной грудью и бразильской попкой танцевали за деньги. А как деньги могут возбуждать мужчину? Разве что количеством нулей, но вряд ли зарплата стриптизерши больше оклада и премии вице-президента крупной компании. Так что даже этот аргументы не цеплял.

Юрий ходил исключительно на мужские программы.

И вот там...

Зрелище разгоряченных женщин, неистовствующих в своих желаниях, готовых на все и со всеми, заставляло кровь мужчины кипеть в ожидании. Седов всегда выбирал тщательно, самую оторванную от реальности, с залитой слюнями грудью, хриплым голосом и накаченную изрядной дозой адреналина.

Секс с такими нечто фееричное. Не поддающееся никакому описанию. И каждый раз новое. Неизвестно, что в этот раз попадется в постели: бeze или перец чили, а может быть и мороженное из чеснока.

Но сегодня толпа визжащих истеричных дамочек не привлекала мужчину. Он думал о Птице. Вот кто ему действительно нужен. С ней не только ночи, а каждую минуту он проводит так, словно сидит на электрической стуле. Да какой там стул! Будто ему вскрыли череп и напрямую подвели к мозжечку 220, а где-то сидит человек и согласно одному ему известному расписанию жмет на красную кнопку 'пуск'...

Юрий выдохнул.

Ему требовалась разрядка. Срочно. И он все-таки обратил внимание на женщин у сцены.

ЧТО?! Птица?!

С того места, где сидел Седов, отчетливо была видна странная парочка. Девчонка уже почти влезла на сцену, где извивался темнокожий танцор. Ее старшая, точнее старая, напарница изо всех сил вцепившись в ремень брюк, пыталась удержать рвущуюся к стриптизеру девушку. Чтобы проверить догадку и слышать о чем идет разговор, Юрий подошел ближе.

- Эй, как тебя... - перебив шум музыки бара, выкрикнула девушка. - Тигр! Тьфу... тигры полосатые, а ты этот... как его... коричневый... О, негр! Иди сюда, мне кое-что проверить надо...

- Настя, слезь со сцены. Очень тебя прошу, иначе нас отсюда вытурят.

Но девчонка была уже в том состоянии, когда подвиги вещь вполне нормальная, а драконы реальная. И одного она как раз завалить хочет.

- Отстань, старушка! Мне этот негр нужен. Если надо я его куплю!

- Анастасия, рабство отменили!

- Дааа?! - в голосе девчонки неподдельное удивление. - когда?

- В тысяча восемьсот шестьдесят пятом году, - напарница сдернула со сцены Птицу.

- А почему мне не сказали?!

- Тебя еще на свете не было. Отстань от негра, не видишь он уже в конвульсиях бьется!

- Он больной? - осведомилась девушка.

- Нет, он-то как раз здоровый. А вот тебе полечиться надо, - старушка из последних сил удерживала Птицу.

- А что со мной? - Птица нахмурилась.

- Что с тобой?! Да чтобы на этот вопрос ответить надо консилиум собирать из нобелевских лауреатов!

Юрий отошел в сторону.

Птица здесь.

Птица хочет негра.

Птица его получит.

Естественно, стриптизера мужчина покупать не собирался - в его голове появилась другая идея. Отменно бредовая, но она как раз могла сработать.

Как и любой завсегдатай клуба, оставляющий на местных охотничьих угодьях не малые

деньги, Седов прекрасно знал арт-директора и владельца заведения. Один звонок, и он уже стоит в кабинете сухенького пятидесятилетнего живчика, которого отвлек от чрезвычайно важных блондинистых дел.

- Привет, родной, - пискнул арт-директор. - Как твои дела?

- Идут, - скупно улыбнулся мужчина, - я по делу заглянул.

- Кабинетик организовать? - Юрий качнул головой. - А что? Бассейн? Сауна? Может зимний сад или винтажную комнату? - 'винтажной' директор называл каморку, где любители БДСМ практиковали.

- Мне грим нужен.

- Что-что? - не понял человек.

- Мне надо на время кожу перекрасить. В темно-коричневый цвет. У тебя же есть гример, который парней в нормальное состояние приводит, пусть он меня перекрасит.

-Гример-то есть, но я не уверен...

- Зови.

- Как скажешь, - ухмыльнулся арт-директор. - Как скажешь... - и позвонил кому-то.

Через пару минут привели тощего патлатого парня в забавной шапочке-петушке. Черные волосы гримера свисали до середины плеч сосульками. Он слегка шепелявил из-за проколотого раздвоенного языка и смешно морщил нос, украшенный кольцом.

- У меня нет столько грима, но... - парень неуверенно замялся.

- Говори, - решительно кивнул Седов.

- Остался баллончик коричневой краски. Я граффити увлекаюсь.

- Крась.

- Вы долго не отмоетесь.

- Крась.

- Это вредно.

- Крась.

- Идемте, - сдался гример. В конце концов у каждого свои странности.

- Эй, Юрчик, ты хоть покажешь ради кого? - арт-директор не на шутку заинтересовался.

- А вон, - указал на монитор видеонаблюдения Седов.

На экране под шестом бесновалась пьяная девица. Она прыгала и пыталась схватить за ногу забившегося под потолок стриптизера. Причем сделать она это пыталась зубами...

Одиннадцатый полет

Вчера случилось нечто ужасное.

Это я поняла, когда проснулась в чужом доме, в чужой кровати, на чужих простынях. Голая.

У меня был только один вопрос: я избавилась от трупа вчера или придется делать это сегодня?

Личность несчастного меня интересовала мало. Раз связался с пьяной девушкой, то должен был подумать о последствиях. Не все становятся после пяти коктейлей послушными и готовыми сдать на милость победителя с большим удовольствием. Я не была готова даже с маленьким.

Одежда нашлась рядом с кроватью. Как всегда аккуратно сложенная. Здесь я себе никогда не изменяла. Неприятно было натягивать пахнущую дымом и алкоголем рубашку, а также брюки с непонятными пятнами, но другой одежды под рукой не было.

Первым делом, я отыскала кухню, выпила воды и умылась. Надо было себя заставить приступить к поиску вчерашней жертвы. В приступе ярости я могла запихнуть смельчака куда угодно: хоть на балкон, хоть на антресоль. Одного как-то в диване в отделении для белья нашла... Куда же этого 'везунчика' запихнула?

Господи, еще объясняться с ним...

А может быть и с полицией...

А что если сразу свалить и вызвать МЧС по данному адресу с таксофона?

Тихий стон из ванной привлек мое внимание. Я подошла к двери и прислушалась. Уфф, вода не текла, значит, пневмония и смерть от переохлаждения не грозит человеку. Постучала.

- Вы там? - спросила виновато.

В ответ замычали.

Ну, пора принимать решение... И я вошла.

Мужчина нашелся в ванной. Связанный. С кляпом во рту. Голый. Засыпанный стиральным порошком и залитый жидкими моющими средствами. Выглядел человек странно. Особенно его кожа: ее покрывали коричневые пятна. Я перевела взгляд на лицо мужчины и неожиданно узнала серые глаза.

- Кашемир?! - воскликнула.

Протянула руки, вытащила изо рта мужчины кляп и приступила к распутыванию узлов. Юра стойко терпел и молчал.

А я не знала куда глаза девать от стыда. Он же все Лазарову расскажет, а Максим не упустит случая надо мной посмеяться. Значит, опять с грациозностью страуса вломиться в мою жизнь.

- Как? - только и смогла выдохнуть я, закончив.

- Может я сначала умоюсь, а ты пока приготовишь завтрак? Я слышал ты неплохо готовишь, - прозрачно намекнул Кашемир.

Лазаррров...

Делать нечего, готовила я действительно прилично - издержки образа жизни в семье, которая любит неплохо поесть, но только вкусной и здоровой пищи. Что-то такое нашлось в холодильнике Кашемира. И то условное. Пришлось сварганить старый добрый омлет с овощами и кофе.

Но я нервничала. Омлет получился не только с белком, но также изобилдовал кальцием. А после второй чашки кофе наволоченная кофеварка благополучно подавилась зернами и затихла, конвульсивно мигая красной лампочкой.

Мужчина появился через десять минут. Умытый, надушенный и все еще пятнистый. Пока я гадала откуда у него подобная расцветка и насколько я виновата в ее появлении, Кашемир умял половину омлета и запил его кружкой кофе.

- Ну и... - я чувствовала себя не в своей тарелке. Очевидно, вчера пила виски. Только оно отключает мою память и вырубает тормоза. - Почему ты оказался в ванной?

- Ты хотела меня постирать.

- Хорошо, что мне не удалось, - с души камень свалился.

- Почему же... В первый раз удалось.

- Ооо... - на зубах хрустнула яичная скорлупа. - Первый... Значит, это бы второй.

- Нет, это ты меня замочила. В первый раз краска не сошла, поэтому ты решила применить бабушкин метод. Хорошо, мне удалось тебя от кипячения отговорить.

- Кипячения? - я сглотнула. - Поэтому у тебя кляп был во рту?

- Угу, ты решила, что слишком много болтовни, от которой болит голова. А потом засыпала меня порошком, полила средством для мытья посуды и отправилась спать, пообещав достирать утром.

- И-извини, - пробормотала я. Мне, правда, было стыдно. Впрочем, мне часто стыдно за свое поведение, но менять что либо в себе я не планировала. Ни сейчас, ни потом. - А пятна это тоже я?

- Нет, это я сам, - поделился откровением мужчина.

- Зачем?!

- Хотел негром стать. Думал, тебе понравится.

- И мне понравилось?

- Хмм... Сначала да, но потом ты обнаружила, что краска пачкается, дальше стирка, - прозвучало красноречиво. - Но я не жалею. По крайней мере стриптизера, которого ты на шест загнала, удалось спасти. Правда, пришлось пообещать, что непременно покажу тебе свой метроном...

Я выпучила глаза и мгновенно покраснела.

- И... ты показал?

- Конечно! Ты заставила меня все шкафы облазить и найти его.

- Шкафы?! - изумилась я. - А, так ты про метроном...

Ооо... Непоправимого не случилось.

- Ну да, а ты про что?

Я?! Я предпочла сыграть в молчанку.

Юрий не мог сосредоточиться на работе. На его лице неприкаянным призраком блуждала улыбка. Мужчина без конца вспоминал вчерашний вечер. И было абсолютно неважно то, какими взглядами его встретили сотрудники офиса с утра, а точнее к обеду, когда он все же соизволил явиться. А также не волновало совещание у президента компании, назначенное на два часа, где ему надо отчитываться. И уж тем более он не обращал внимания на оба разрывающихся телефона. Компьютер так вообще не открывал.

Зачем пришел спрашивается?

Наверное, чтобы закинув ноги на подоконник любоваться видом заснеженной Москвы. Слушать Blue October в наушниках и мечтать о том, что могло бы, но не произошло. Пока не произошло. Ключик к Анастасии оказался до банальности простым, и он полностью устраивал Седова. Пожалуй, во всем была только одна заминка...

- Какого черта?! - из левого уха выдернули наушник.

- Я атеист, - напомнил Юрий. - И не ори, пожалуйста, голова раскалывается, - мужчина выключил музыку, вынул второй наушник и развернулся к другу.

Макс долго не мог прийти в себя. Всем своим видом от кончиков вставших дыбом волос, до развернутых в отрицании плеч, он выражал крайнюю степень изумления, возведенную в квадрат. Только через несколько минут мужчине удалось моргнуть. Затем оттаять, а следом проблеять:

- Эээт-то что?!

- Хм... - если объяснять, то с самого начала, а оттуда и до конца прямой путь, а травмировать Лазарова перед совещанием не хотелось. - Долгая история.

- Не хочешь рассказывать, - констатировал факт Максим. Седов улыбнулся. В общем-то он и раньше не слишком распространялся о своих ночных похождениях, так что скрытность не должна вызвать особых подозрений. - Но ночь ты провел отлично? - прозвучал полувопрос.

- Незабываемо, - приподнял брови и улыбнулся вице-президент. И плевать на ноющую после ванны поясницу, местами сожженную от химикатов кожу и больную голову.

И, наверное, все прошло бы удачно, если бы не...

Телефон на столе ожил.

На дисплее высветилось 'Настя'.

Юра скосил глаза сперва на телефон, затем на Максима. Друг прекрасно видел название абонента. Карие глаза Лазарова превратились в два пережженных куска сахара. Губы искривились в пластилиновой усмешке. Максим наклонился, поймал взгляд друг и спросил:

- Не ответишь?

Умный зараза... два на два множить умеет.

- Почему же, отвечу. Здравствуй, - уже в микрофон произнес Седов. - Ооо, даже так? Конечно, раз так надо, - мужчина сделал знак Лазарову выйти. Но тот демонстративно уселся на гостей стул, откинулся и принялся качаться на нем. Не спастись... - Здравствуйте. Да, я сделал Насте предложение... - Макс грохнулся со стула. И остался лежать. - Нет, я абсолютно нормален. Да, психическими заболеваниями не страдаю. Что вы, откуда у Насти ружье? Есть говорите?! Нет-нет, будьте уверены - она его не применяла. Хорошо, благодарю за приглашение, ага. Нет, не надо, я позже ей перезвоню. Занят немного...

И стремительный удар в ухо выкинул мужчину из кресла. Седов не сразу поднялся на ногу. Друг ударил на редкость удачно почти отправив Юрия в нокаут. В голове помимо колоколов зазвучали sireны скорой помощи.

- Сука! - опираясь на стол, Максим тряс головой. Похоже, он сам был не в восторге от того, что сделал.

- Успокойся, - пробормотал Седов. В его голове теперь взрывались огненные фейерверки.

- Успокоиться? Успокоиться?! Ты переспал с ней! - долбанул по столу кулаком мужчина.

- С чего ты взял? - вице-президент встал.

- Ты сам сказал только что! - выдохнул Лазаров.

- Я сказал, что сделал ей предложение, а не переспал.

- А разве предложение делают не после того, как...

- Не в моем случае! - отрезал вице-президент.

Максим внезапно сдулся. Он нахмурился, сгорбился и развернулся, чтобы уйти, но все же нашел в себе силы пробормотать прежде:

- Прости...

И было Лазарову как-то чертовски больно.

И глаза щипало от непрошенных и совершенно неприемлемых для мужчины слез.

И горло перекрыл жуткий спазм.

Максим зашел в туалет. На полную включил холодную воду и сунул ладони под тугую струю. Набрал пригоршню и ополоснул лицо.

Он же не плачет, нет?

Нет.

Это капли водопроводной хлорированной воды повисли на ресницах. А в груди болит от защемленного когда-то позвонка. Врач ведь сказал, что могут быть приступы от неловких движений, а он как раз не очень хорошо повернулся когда лучшему другу морду бил.

И убить этого... пидораса... хочется из-за... да просто хочется! И Птица тут совершенно не при чем.

Птица...

Как же она... Почему согласилась. Она Юрку каких-то два дня знает! А его, Макса, всю жизнь, так почему...

- Лазаров, что с вами? - на периферии мелькнула тень. Будучи погруженным в свои мысли мужчина не узнал голос.

- А? - прищурился Максим. - Что вы спросили? - он узнал президента компании.

- Вы в порядке? Выглядите не важно, - мужчина открыл кран и принялся тщательно мыть руки, ожидая ответа.

- Да. И чувствую себя так же, - усмехнулся Лазаров. Он оперся на раковину и взглянул на свое отражение. Зеркало захотелось разбить. Головой.

- Заболели?

- Не уверен. Возможно, - тяжело вздохнул мужчина.

- Шли бы вы домой, Лазаров. Посидите пару дней, в выходные отоспитесь, съездите на природу... Идите, идите, прямо сейчас идите.

- Хорошо. Спасибо. Я пойду, - и пошел. Он даже забыл выключить воду и вытереть руки. Максим действительно направился домой, только не к себе...

Тринадцатый полет

Я позвонила на работу с мобильного и предупредила всех о своем отсутствии. На сегодня точно. Ближайшую неделю возможно. Оставшуюся жизнь под вопросом. Мастер-приемщик попросил не торопиться с решением они хотя бы отдохнут от меня немного, ибо вечные советы из-за левого плеча их уже достали, а некоторые сотрудники сервиса меня уже нечистой силой считают из-за этой привычки. Вот за что люблю свой коллектив, так это за честность. Впрочем, терпеть не могу за тоже самое.

От Юрия я поехала к родителям. Давненько у них не заглядывала, хотя живу в соседнем доме, где три года назад приобрела убитую в хлам девушку, но дела и неожиданные встречи последние две недели не позволяли навестить стариков. Хотя моих предков так лучше не называть... Они у меня боевые. Правда, кое-кто считает, что придурковатые, но с этим кое-кем я месяц назад 'поговорила'. Вроде бы его еще из больницы не выписали.

Кроме того посоветоваться надо. Я не думала, что Кашемир сможет меня удивить больше, нежели утром, однако у него получилось - он меня замуж позвал!

Сказал, что я его идеал.

Что всю жизнь ждал именно меня.

И готов еще подождать, но лучше не надо.

Я, конечно, посмеялась. Потом подавилась. Дальше чуть водой не захлебнулась. И едва не выкашляла легкие от проявленной Кашемиром заботы. Затем сбежала, пообещав ответить когда дар речи из длительной прогулки вернется, а мозг выйдет из крутого пике. Если он вообще из него выйдет...

Я сомневалась, ибо по улице шла на автомате. Очнулась у входа в метро. Спустилась. Полчаса смотрела на переплетение разноцветных линий и пыталась вспомнить на какой станции мне выходить, но вместо схемы глаза видели разноцветные свадебные ленточки на машинах, а совмещенные станции представлялись в виде переплетенных свадебных колец. Пришлось позорно отступить.

В качестве вынужденного компромисса я навернула три круга по кольцевой ветке, пока в голове не всплыло название нужной станции. Мой радостный вопль распугал плотную толпу пассажиров, а кто-то даже поинтересовался тянет ли открытие на Нобелевскую премию... По мне так оно могло потрясти основы мироздания!

До родителей я добралась за сорок минут.

Дома было все как обычно: отец матерился на автомобильных форумах в хвост и гривы чехвостя доморощенных мастеровых и любителей колхозного тюнинга, а мамашка до одури лупила грушу.

- Родная, ты? - не отвлекаясь от тренировки спросила мама.
- Ага, - села на пуфик в прихожей.
- С чем пожаловала? - отозвался отец из комнаты и яростно защелкал клавиатурой.
- С предложением. Я кажется, замуж выхожу...

Мамина груша сорвалась с крючка.

А следом задымился папин ноутбук.

Вот что я такого сказала?

Через десять минут, убрав штукатурку и потушив компьютер, меня отпаивали кофе с домашними плюшками. Кофе был растворимым, плюшки ужасными, но другие у мамы никогда не получались. Мы с отцом давно смирились и научились с довольными лицами поглощать сей кулинарный шедевр. Вот и сегодня я бодро хрупала каменное печенье, запивая отравой из банки.

- Так что там насчет свадьбы? - осторожно начала мама.

Отец на всякий случай оглянулся на микроволновку. Та тарасила круглые нули на дисплее и вроде гореть не собиралась.

- Мне сегодня предложение сделали, - при каких условиях промолчала. Папа хоть и сидит в

инвалидной коляске, она у него под танк прокачена. Собственно, только дула и не хватает. Особенно после того, как он съёмные лезвия к колесам все же приделал.

- Кто он? - папашка сбросил на затылок кепку и вытер рукавом вспотевший лоб.

- Станный он. Мы с ним всего два дня знакомы, а он в ноги и кольцо мне протягивает.

- В вечной любви клялся? - напрягся отец.

- Нет, - покачала головой.

- Тогда у него есть шансы выздороветь, - рассмеялась мама.

- Вряд ли. Он меня идеалом назвал, - вздохнула.

Папа выпучил глаза. Печенье он временно отложил, заменив еду пищей для ума.

- Токсикоман, - наконец, вынес вердикт отец. - Я отсюда чую от тебя девяносто пятым с присадками фонит!

- Еще и четырнадцатым растворителем, - поддакнула я. - Знаешь, ему еще моя роба рабочая понравилась...

- Фетишист, - мама подтолкнула мне тарелочку со свежей порцией овсяных кирпичиков. - Тебе подходит.

- Веди знакомится, - согласился папаша. - Если не испугается - наш человек. Не то, что этот твой... по которому ты в школе сохла. Вот тот...

В дверь позвонили. На правах младшей меня отправили открывать. И я открыла, не посмотрев в дверной глазок. А зачем? К нам просто так и с недобрыми намерениями никто не полезет: моя мама лучше всякой собаки!

- Лазаров? - выдохнула спустя минуту разглядывания. За это время образ в памяти сложился с фигурой за порогом. Медленная я сегодня. Очень.

- Птица! - мои ребра хрустнули в медвежьих объятиях.

- Отпусти! - выгнулась и попробовала освободиться. - Ты что здесь делаешь? Зачем?

- Спросить хочу: Седов сделал тебе предложение? - мужчина поджал губы.

Я отошла на шаг назад. В сознании всколыхнулась какая-то черная волна. Захотелось буквально вцепиться зубами в руку Максима и хорошенько ее потрепать. Повалить на землю и попинать ногами, приговаривая: ах вот ты как заговорил!

- Чего тебе надо, Макс? - его имя я практически пропела. - Что случилось? Зачем ты постоянно лезешь в мою жизнь? Почему ты ведешь себя, как молодой и ретивый баран, который спустился с горы, не слушая старшего товарища, и нашел в долине не стадо тупых овец, а пару волков не совсем традиционной ориентации?! Как тебе еще объяснить, что я не нуждаюсь в тебе, твоём внимании, твоей дружбе...

- А в моей любви? В моей любви ты нуждаешься? - Лазаров смотрел в пол. Руки в карманах. Ссутулившаяся фигура. Скособооченные плечи.

Я сегодня не просто медленная. Я вообще на ручнике. И тормоза заклинило. Иначе как объяснить то, что я перестала понимать значения слов?

Любовь?

Какая-такая любовь?

Прямая? Косая? Перпендикулярная?

Где он ее до сего дня прятал: под капотом, в багажнике, в запасном колесе или как ненужные перчатки в бардачок зашвырнул к прочему хламу?

- Максим, а тебе не кажется, что немного поздно дергать за косички?

- Шутишь? А я в кои-то веки серьезен! - зло выдохнул Лазаров. Его щеки расцвели пятнами лихорадочного румянца.

- Ну вот и приходи в следующем! - я хотела закрыть дверь, но Максим умудрился вклиниться между ней и косяком.

- А ну-ка, отойди, дочь...

Когда за спиной появляется мама и говорит таким тоном, то спорить не надо, а надо быстро взять ноги в руки и валить в ближайшую траншею под противотанковую броню!

И я прижалась к стене.

И вовремя!

Маман с размаха выплеснула на Лазарова что-то красное, пенящееся и очень сильно несвежее. Глядя на офигевшую рожу красавчика, я не удержалась и хихикнула. А потом заржала в голос, не стесняясь для пущего эффекта прикладываться о стену затылком. Хуже-то не будет!

- Совсем оборзели! - прорычал мужчина, развернулся и пошел вниз по лестнице.

Это с семнадцатого-то этажа!

Где-то с десятого послышался грохот, неэстетичный мат и совсем уж изуверские проклятия на мою голову.

Четырнадцатый полет

Лазаров неистовствовал. Второй раз в жизни он остервенело пинал мусорку по двору и неистово матерился в голос. По тому же самому двору. Ту же самую мусорку. Да и слова, похоже, произносил точно такие же. И даже бабульки с тем же осуждением смотрели на прилично одетого молодого человека, чей рот извергал похабщину.

Второй раз его окатили помоями! Второй!!! И снова это проделала мамаша Птицы. В первый раз хоть сама Настя не видела его позора. Но сегодня она имела полное и очевидно ни с чем не сравнимое удовольствие насладиться зрелищем сполна...

Тогда, в девятом классе, он как истинный дурачок приперся под ее дверь с огромным

букетом розовых роз, плюшевым мишкой в заплатках и тортом. Помириться хотел, ага. Погулять позвать. Второе, естественно, по обстоятельствам, в зависимости от реакции Птицы, ибо девушка она серьезная, а еще вспыльчивая, и Лазаров имел все шансы вместо прогулки с ней на прогулку до ближайшего травмпункта отправиться.

И вот пришел он, значит. Полчаса с духом собирался, чтобы кнопку звонка нажать. Три раза без лифта туда-сюда по лестнице прогулялся. Втихаря на десятом этаже сигаретку выкурил, полпачки жевательной резинки съел и решился. Букетом загородился, зажмурился и позвонил. Обычно дверь открывала Птица...

- Это что такое? - по голосу стало ясно, что девушка находится в легком шоке. Ну это пока. Она же девушка! А у девушек от легкого шока переход к глубокой депрессии с последующим избиением несовершеннолетних ухажеров принесенными дарами весьма неожиданный.

- Ц-цветы, - запинаясь выдавил Максим и протянул Насте букет.

- К-кому? - так же запинаясь спросила Птица.

В себя она тогда не верила. В Лазарова и его добрые намерения тем более. Они буквально три часа назад расстались. Она с разбитыми коленками, ибо так и не смогла догнать этого... быстрого... оленя! И загубленным проектом по физике, который две недели клепала, а... олень... этот... своими копытами взял и нажал красную кнопку, где написано было большими буквами 'не нажимать' и три восклицательных знака стояло.

- Тебе, - осмелел Максим. Раз с порога в глаз не дали, шансы уйти с миром замаячили на горизонте.

- Мне?! А... а за что?

И Лазаров ощутил надежду. Что-то такое промелькнуло в голосе девушки, что в щуплом теле подростка расправил волосатые плечи истинный горец.

Господи, да это была нежность! Самая настоящая нежность со вкусом любимого Максом заварного крема...

- За проект по физике, - растаял парень и улыбнулся счастливой улыбкой блаженного идиота.

Зря!

Стоило ему упомянуть о красной кнопке, которая буквально кричала 'нажми меня', как Настя из нахохлившегося, но ласкового львенка превратилась в крикливую чайку, чьи пронзительные вопли разрывными пулями насквозь пробивали череп и трепетное сердце молодого человека. А следом...

Был дождь из оборванных розовых лепестков...

И шипы, коими печально знаменита юная любовь...

И рассыпанный горькими чувствами пластиковый шариковый наполнитель из расклеванного бока мишки...

А еще отлично настоявшийся борщ с приправой из слов - вот как в нашей деревне ухажеров

отваживают...

К чести Лазарова кое-какие уроки он с первого раза усваивал. Не к чести: забывал о них через иногда. Вот и про борщ забыл. С другой стороны капуста на ушах вместо лапши по крайней мере честно!

За сим Максим успокоился и уже двинулся было к подменной машине, выданной ему в сервисе BMW. На выходе разминался с мужчиной, который показался ему смутно знакомым. Они оба обернулись посмотреть друг на друга еще разок, но если Лазаров не смог выдернуть из памяти имя, то человек узнал Максима.

- Ты?! Здорово! Какими судьбами?

- Извилистыми воздушным тропами авиадиспетчеров над Москвой, - буркнул мужчина. Имя вертелось на языке вокруг смутно знакомой рожи.

Человек хмыкнул:

- Гляди-ка, у тебя чувство юмора появилось.

- Ага, заразился половым путем, - к мрачному настроению прибавилось смущение от того, что Лазаров никак не мог вспомнить имя.

Знакомый расхохотался, да так открыто, что злость невольно отступила. Максим улыбнулся в ответ и немного расслабился.

- Влад, - отсмеявшись представился мужчина. - Теперь вспомнил? - Максим кивнул. - А то стоишь исподлобья смотришь, а в глазах полный ноль. Кстати, ты в каком мусорном баке копался? - старый приятель довольно фамильярно подергал полу распахнутого пальто Лазарова.

- Двести тридцать четвертая квартира девятнадцатый дом. Только ходить не советую, бомжи там злобные! - с долей самоиронии отозвался мужчина.

- Ооо, ты к Куропаткиным ходил? А зачем? - удивился Влад. Прищурился и взглянул недоверчиво. - Только не говори что...

- Птица замуж выходит...

- Тебя поздравить?

- Не за меня.

- Таки поздравить! Очень рад! А кто герой-то? - любопытствовал приятель.

- Мой лучший друг, - Максим спрятал руки в карманах. Они дрожали.

Влад вдруг замолчал. Он несколько секунд пристально изучал знакомого, а потом предложил:

- А пойдём ко мне. Почистишься, обсохнешь. Коньяком согреешься. Он у меня домашний. Один стакан и вся дурь из головы вылетает. Ну как? - и обнял Лазарова за плечи, подталкивая его к верному решению и к подъезду.

Максим согласился. Как ни прискорбно было ощущать, поддержка ему сейчас была необходима. К Юрию по определенным пернатым причинам он пойти за сочувствием не мог. В зубы еще раз дать - легко! Но все остальное... В прошлом остальное!

Вот же Куропаткина, второй раз умудрилась походя Максиму жизнь сломать. На щелчок пальцев справилась. Ее хоть совесть мучает? Хотя о чем он, какая совесть? Птица же девушка прокаченная: у нее в голове турбина стоит, а в попе прямоток! И как с такой справиться?

Дома у Влада Лазаров залез под душ. Вымыл голову, просушил ее феном и в одной полотенце на бедрах вышел из ванной. На кухне уже стоял разлитый по пузатым бокалам коньяк, нарезанный тонкими дольками лимончик, сахарница для любителей подсластить желтые дольки. И только они уселись, потеряли руки...

- Черт, жена! - подпрыгнул от звонка в дверь приятель. - Вот каким местом она чувствует?! Сиди тут, постараюсь спасти наши головы! - и умчался открывать.

- Где она?! - заревели с порога.

Жена? Она?

Лазаров на всякий случай осмотрелся.

- Солнышко, да кто 'она'? Откуда ей вообще взяться?

Судя по тону друга детства 'они' все таки были. При чем не раз.

- Ты мне зубы не заговаривай - так кариес не вылечишь! А ну прочь с дороги...

- Да мы просто с другом встретились, сидим культурно...

- С другом? Культурно?! Сейчас я на этого друга и культурный досуг посмотрю...

Максим на всякий случай встал, втянул живот, выпятил грудь и нацепил добротную улыбку из разряда 'а я мимо проходил и дальше пойду, если отпустите'!

И жена вошла на кухню.

Дверная ручка привычно долбанулась в выбоину в стене.

И продолжая порядок вещей слетела с ограничителя оконная створка. А за ним и полотенце с бедер мгновенно съездившегося Лазарова. И встретились нечаянно взгляды стервы натуральной на пороге стоящей и твари с раззявленной пастью в преддверии наколотой...

По ушам автоматной очередью прошелся женский вопль.

Влад просто не мигая смотрел на дьявола, сжав свое причинное место бедрами и закрыв на всякий случай руками.

- Это как же... Это он ЕГО ест или выплевывает? - замороженно прошептал мужчина.

Женщину вопрос привел в чувство. Она на глазах покраснела, подошла к столу, хлопнула бокал коньяка, съела лимон и выдохнула, скривившись:

- Прикройся, а? И без того жизнь не сладкая, теперь еще кошмары по ночам сниться будут. Мать Божья, я же теперь ни одного кота кастрировать не смогу! Я же теперь как скальпель в руки возьму, так сразу ЭТО вспомню! А у меня только на завтра две животинки записаны... - жена Влада села на табуретку и пригорюнилась.

- Тебя как угораздило-то? Как в кино, в тюрьму собрался? - Влада еще немного потряхивало. Он уколы в принципе не переносил, а при мысли что пришлось перенести Лазарову сознание скатывалось в черную дыру.

- Ай, - отмахнулся Максим. - Долгая история.

- А мы уже никуда не торопимся, - женщина пододвинула гостю стакан. - Колись давай, смелый ты наш...

Дважды Максима уговаривать не пришлось.

А около двенадцати сложился и план дальнейших действий - под коньяк-то ого-го какие замечательные идеи рождаются! С небольшим таким криминальным уклоном...

Пятнадцатый полет

Я не спала всю ночь.

И дело не в Максе и его словах - получила вызов на он-лайн соревнования по рейсингу. Достала руль, протерла его от пыли, смазала педали и всю ночь провела за монитором в наушниках, наворачивая круги по известным мировым трассам. В шесть утра поняла, что ложиться не имеет смысла и не легла. Выпила седьмую чашку кофе, узрела в зеркале белку из мультфильма 'Правдивая история о Красной Шапочке', вместо своего отражения, и расчесала колтун на голове, пощипала губы и направилась в ближайший 'Макдональдс' завтракать.

Кассир меня испугался. Ну, его можно понять: красные глаза вкупе с красным носом, дергающейся бровью и несвязанной речью делали меня персоной малоприятной человеческому глазу. Кассир смотрел не на меня, а на мои руки, спрятанные в карманах. Скорее всего представитель дружественной восточной державы с другой стороны прилавка, подозревал меня в недобрых намерениях в отношении ночной выручки, но я больше облизывалась сладкие булочки, восьмую чашку кофе и жирную сочную булку с яйцом.

Парнишка с опаской принял из моих рук деньги, ища на моих запястьях следы от многочисленных мифических уколов. Купюры он разве что не обнюхал, складывая в кассу. На свет и ощупь проверил и вроде как успокоился. Я села за свободный стол и с наслаждением вгрызлась в булку, запивая ее кофе. Напиток шел плохо - организм его отторгал. Не знаю бывает ли кофеиновое похмелье, но я явно испытывала все его признаки.

Кушая, я ощущала взгляд в спину со стороны кассовой стойки. Это вызывало стойкое желание устроить показательные выступления с обнажением моей скверной и не очень свежей души. Мало ли по какой причине человек может ранним утром напоминать ожившую мечту патологоанатома?

Булочка кончилась подозрительно быстро. Кофе я не допила - ощутила еще немного и шестеренки в голове перегорят к чертовой матери. Встала и подергиваясь направилась к выходу. Легкий морозец слегка остудил разгоряченную голову. Я замотала шарф до глаз, застегнула пуховик и помчалась на работу. В таком виде на глаза коллегам показываться я не

стала, слишком велика опасность замучать их жаждой бурной и совершенно бесполезной деятельности.

Но сострадания хватило только на час и в восемь я уже открывала сервис и готовила трибуну. Ну, надо с чего-то было начинать собрание. Например, с крыши Мерседес МакЛарен Ф1. До девяти я репетировала речь, расхаживая по мастерской. О чем? К концу речи я забыла о ее начале.

Кажется, было что-то про розы.

И про шипы. Но это на зимних шинах.

А еще пара слов о симпатичных водителях за рулем.

И я точно упоминала о непрактичности белого кашемирового пальто московской зимой.

Начало вспомнила.

Хлопнула в ладоши и...

Блин, я забыла конец!

В расстроенных чувствах меня застала уборщица. Кофе она мне предлагать не стала. К чаю прикасаться запретила. Валерьянку из аптечки и то спрятала. Фонариком зачем-то в глаза посветила. И вслух пожалела, что сделать лоботомию ей квалификация не позволяет, ибо проблемы мои явно глубже, чем она подозревала.

Я вырвалась, погрозила Полине Григорьевне кулаком и отправилась встречать персонал в клиентский зал. Постояла. Посидела. Обзвонила должников. Пару клиентов культурно обматерила. Люди прониклись и обещали забрать машины. Сегодня. В первой половине дня. Как можно быстрее. Нет, ну если мне бы кто пообещал в знак протеста выкатить их из бокса и поджечь, я бы тоже поторопилась. Наверное.

Пришли приемщики. Телефон отобрали. Из-за стола выгнали. Просили в течение здесь не появляться, дабы не пугать клиентов. Или попросить скорую у дверей подежурить с дефибрилятором наготове. Я вернулась в мастерскую, но вынужденно отступила под натиском уборщицы и ее швабры к своему кабинету. Похоже, меня туда специально загоняли по просьбе подтянувшихся на работу трудящихся.

В десять я вспомнила о собрании!

И о том, что забыла речь. Решила импровизировать.

Согнала всех и начала... с минуты молчания.

Тут заглянула полиция в лице двух участкового и его помощника. Парни увидели нас в полном составе со скорбными рожами и в печали, поинтересовались кто умер? Я ответила они, если продолжают мешать воспитывать коллектив. Парни сказали, что посидят тихо, придвинули стулья и захрустели семечками.

Ясное дело выставлять за дверь полицейских я не стала. Хотя бы потому, что они натолкнули меня на идею провести инструктаж по технике безопасности. Я по правилам каждый квартал это делать должна, но кто бы еще эти правила соблюдал!

Я влезла на крышу машины. Задумалась. В голову лезло что-то про каски и большую красную кнопку.

И оголенные провода.

Розетки, куда не тыкать пальцами и инструментами...

Находчивый шаман спросил как чинить розетку, если она сломалась, а пальцами и инструментами в нее тыкать нельзя...

Я застыла с открытым ртом.

Полицейские старались не слишком сильно давиться семечками.

Показав кулак электрику, продолжила.

Загнула про очки для работы с токарным станком. И респиратор для покраски. Ленуся потребовала розовый и с заклепками. Я предложила ей на выбор два варианта: зоомагазин и сексшоп. На первое она обиделась, на второе отрезюмировала, что розовых там нет. Лидочка шепотом спросила 'а какие в наличии и насколько остры заклепки?'... Жаркое обсуждение моделей в тесном кругу на двоих пришлось прервать - мужчины слишком сильно стали прислушиваться.

Помощник участкового все-таки подавился. Напарник, всеми ушами поддерживая девчачий разговор, машинально, но сильно хлопал бедолагу по затылку.

Я попросила вести себя тише. Скорчила страшную рожу и вернулась к инструктажу. Прошлась по электрических подъемникам. Попросила не совать пальцы в шестерни. Один из близнецов смущенно выдернул руку. Из шестерен.

Напомнил о вреде употребления во внутрь бензина. Тилек сделал большие глаза и мамой вожака табуна поклялся, что это не он девяносто восьмой сливает! Кстати, омывайку он тем более не трогает.

Ну да... очевидно это та самая мама именно того вожака...

- И напоследок... - выступление пора было заканчивать. Один из полицейских посинел. Второй сидел с перекошенной, подергивающейся рожой и жевал пустую пачку от семечек.

- Ограбление! - в мастерскую ворвались шестеро фигур в черной одежде и масках.

- Ч-чего? - переспросила я. А мозг тем временем думал уж на галлюцинации ли это у меня?

- Ограбление! - повторила одна из фигур.

- А что вы здесь брать собрались? - неловко поинтересовалась я. Предложить-то нечего: расчеты в основном по картам, а инструмент... кому пневматический пресс или компрессор нужен?!

В сервисе повисла мертвая тишина.

Полицейские тем временем усиленно вспоминали чему их пять лет в институте учили.

Шестнадцатый полет

После сакраментального вопроса Птица ограбление захлебнулось. Конечно, грабители еще вчера понимали, что их план не идеален, однако, не подозревали насколько. Допивая вчера третью бутылку коньяка в компании половины команды Влада из пейнтбольного клуба, они как-то не придумали, что именно будут тащить из автосервиса.

Кого понятно! А вот что...

Они обсуждали необходимость замести следы, но о том, что заметить их придется приваренными к полу подъемниками и установкой для балансировки колес.

А отвечать что-то наглой Птице надо. И говорить придется ему, ибо подельники больше Максима растеряны. И пьяны соответственно. Он утром остановился, а те на шампанское перешли. Для храбрости.

Эх...

- Ну, если брать нечего, то мы возьмем тебя! - выпалил Лазаров, радуясь, что платок между маской и шубами искажает его голос.

- У вас сильно богатые родственники? - Птица нахмурилась. Переступили с ноги на ногу.

- Тебе какое до этого дело?

- Боюсь, они со мной за вас не расплатятся!

- Это мы за тебя выкуп требовать будем!

- Дааа?! - на лице девушки приступила неподдельная радость. - Рискните. Билеты в партер сколько стоят? - и она улыбнулась ласковой улыбкой доброго дяди-палача с плохо наточенным топором.

- Может хватит с ней разговаривать? - возмутился Влад. - Хватай ее и дело с концом! Спать хочется, - подельник зевнул.

- И правда... - опомнился Лазаров. - Взять ее! - рявкнул он, и первым бросился на приступ.

- Бей их! - донеслось до уха мужчины.

Он успел инстинктивно пригнуться, пропустив над головой удар здоровенной лапищи одного из сотрудников сервиса. Взлетел по капоту Мерседеса и схватил Птицу за талию...

- Попалась!

- Я?! Родной, тут вообще-то полиция. Так что я может быть и попалась, но вы попали. Причем конкретно. По самые... - девушка чиркнула где-то на уровне своих бедер, показывая какая именно часть тела похитителей находится в опасности.

А полиция тем временем безвозвратно пропала в потасовке. Парни молодые, кровь красная да горячая, а потому приятно азартно кулаками помахать, забыв обо всем, в том числе о паре выбитых резцов, выхваченных из шевелюры клоках волос и набухающей на брови капельками крови царапине.

В глаз.

По зубам.

По щекам длинными оранжевыми ногтями.

Пирсинг из губы долой!

И по почкам.

А вот и по печени!

По яйцам-то зачем?!

Ах это месть за пирсинг...

- Прекратить балаган! - раздался чей-то зычный голос.

На секунду хаотичная мизансцена обрела порядок и подобие разума, но после чьего-то 'да ладно' вновь забурилась и закипела, словно ведьминское варево в котле.

Кто-то кого-то сажал на цепь.

Третий гонялся за четвертым с гайковёртом в руке и клялся кое-что кое-куда ввернуть и он явно не крепкое словцо имел ввиду.

Пятый, шестой, седьмой сплелись в змеиный клубок и, кажется, делили ноги, но из торчало семь, поэтому процесс грозил затянуться надолго.

Восьмой делал искусственное дыхание девятой. Не целовался же он с врагом в самом деле! Просто Лидочке воздуха от переживаний не хватало, вот ей и помогли дышать. Изю всех сил старались!

Участковому оттоптали руки и набили на затылке шишку на шишке. Мужчина понял - пора заканчивать, иначе недельный больничный превратится в одиночное заключение в госпитале. Сестрички там, конечно, очень даже ничего, но если он с ног до головы будет забинтован то толку? Девушек гипс не привлекает. Они более натуральные материалы предпочитают...

Участковый отполз подальше, достал из кобуры пистолет, снял его с предохранителя и выстрелил в воздух. В последний момент его рука дрогнула и пуля пошла по кривой. Она вошла в сочленение крепления здоровенной панели с лампами люминесцентного света и разорвала ржавый металл.

У-ух...

Конструкция по параболе полетела вниз, словно магнитом притягиваемая к двум фигурам на крыше машины.

Вот черт...

Полицейский закрыл глаза.

Грохот. Вспышки. Крики. Топот. Шипение...

Участковый чихнул от смеси дыма и пены огнетушителя, приоткрыл один глаз и принялся пересчитывать людей в мастерской. Вроде все на месте, за исключением ретировавшихся грабителей и... владелицы сего заведения тоже не было видно...

Семнадцатый полет

Последнее, что помню, свет перед глазами.

Я умерла?

Если так, то почему все болит? Или меня сослали в Ад на вечные мучения? В таком случае остается посочувствовать чертям, которых пришлют мою душу жарить.

В голове словно пару грузовиков со стеклотарой перевернулись. Мозги звенят, пересыпаются и жутко болят. Почему? И опять свет перед глазами. И мастерская. И полет с машины. И не слишком удачное приземление. А потом тряска. Земля перед глазами. Багажник... Багажник?!

Нууу, черти или нет меня украли, но рога я им обломаю и копыта десятисантиметровыми гвоздями подкую! Не могли ничего лучше придумать, чем живого человека похищать. Здесь не Америка, а я не агнец, приведенный на заклятие.

Я разозлилась. Дернулась и... осталась лежать! Меня приковали? И привязали...

- Эй! Эй, кто-нибудь! - крикнула я, попутно радуясь отсутствию грязного носка-кляпа во рту. А что? Если у при дураков в масках хватило ума меня привязать, то они могли и до кляпа додуматься.

- Тебе обязательно кто-нибудь нужен или я подойду?

Повернула голову. Прислонившись к дверному косяку, на пороге стоял Максим Лазаров, сверкая улыбкой на безусловно красивой роже. Единственное, что портило облик прекрасного чудовища - устойчивый запах перегара, появившийся в комнате вместе с ним. Я сморщилась.

- Лазаров... - прошипела. - Ты - труп!!!

- Как много я не знаю о твоих пристрастиях! Милая, для тебя я буду кем угодно, только попроси! Или прикажи. Или потребуй... - мужчина подошел ко мне и одарил потускневшей от зубного налета улыбкой.

- Сдохни!!! - я снова дернулась и опять безрезультатно.

Восемьдесят с лишним килограмм устроились поперек моего тела. И судя по довольному лицу чувствовали себя прекрасно. - Встань немедленно!

- Не могу, - отозвался мужчина.

- Почему?!

- Я умер, - 'труп' пожал плечами и захрипел. Видимо, для достоверности.

Мне надо успокоиться. Успокоиться, усыпить бдительность Максима и сбежать. А душу из него я выну потом, когда буду в состоянии делать тонкие хирургические операции. Сейчас

основная задача не поседеть.

Вдох на четыре счета, задержать дыхание и выдох. Повторить. И еще разок. Добавить дыхание дракона. При этом забыть, что на животе вольготно расположился в общем и целом привлекательный мужчина, который ни разу в жизни не был ко мне так близко. И не вспоминать, что несмотря на все его выходки, он мне симпатичен с той самой первой встречи, когда не побоялся подойти за мячиком.

Эдакий солнечный мальчик. Любимое дитяtko, которому все приносят на золотом подносе прямо в кровать. Красавчик, собирающим у своих ног ковер из женских тел. Душа компании, одним присутствием поднимающий настроение и градус. Я ненавидела его за это и за то, что в список покоренных им высот он всегда хотел включить меня - завоевать и повесить, как новогоднюю звезду на верхушку елки.

- Лазаров, чего ты хочешь?

- Правильнее спросить, чего я не хочу, - мужчина переполз через меня и растянулся справа у стенки. - Все просто: я не хочу, чтобы ты выходила замуж за Седова.

- Не выйду. Доволен? А теперь отпусти меня.

Максим поводит пальцем перед моими глазами и коснулся носа. Глаза против воли скучковались у переносицы.

- Ты думаешь я тебе поверю? Нет, Птица, забудь, - он слегка надавил на кончик носа. - Даже если так, то Седов не отступить. Видишь, ли он вбил себе в голову, что ты его идеал. А если Юра себе что-то в голову вбил, то ничто и никто из его головы это не выбьет, поэтому я вижу только один выход...

Интересно какой? Убить, микроволновку на шею и в труп в Москва-реку? До весны проблема будет решена, а дальше как повезет!

- Какой? - внутри все сжалось от нехорошего предчувствия.

- Я сам женюсь на тебе.

- Ты идиот?! - напускная способность мгновенно с меня слетела.

- Это уже не важно, - приподнявшись на локте Лазаров очаровательно улыбнулся.

- Важно! Браки с недееспособными недействительны! Как ты вообще представляешь себе нашу свадьбу? Потатишь меня в ЗАГС вместе с кроватью, приставишь нож к горлу регистратора и заставишь ее расписаться нас? А мой паспорт ты откуда возьмешь, умник? - я откровенно глумилась, почувствовав себя в безопасности. А играющий в голове свадебный марш... Мелодии бывают такие навязчивые! Еще и безымянный палец чешется...

- Паспорт, - мужчина откинулся на спину, закрыл глаза и помассировал веки. - Почему я об этом не подумал? - голос был очень расстроенным.

Подумал? Паспорт? Но это означает, что...

- Ты обо всем остальном договорился?

Ооо... я была на волосок от... замужества!!! И как он только умудрился такую аферу

провернуть?

Лазаров скрытничать не стал и щедро поделился информацией. У одного из его 'друзей', который помог составить 'гениальный' план', нашлась знакомая в подмосковном ЗАГСе. Проникнувшись слезливой историей о нелегкой судьбе влюбленных (о, да история рискует превратиться в трагедию!), она согласилась расписаться их заочно, лишь бы необходимые документы принесли и приехали подписать где надо поставить.

Еще у 'друзей' нашлась свободная дача, недалеко от города, где живет и работает романтично настроенная сотрудница ЗАГСа. Дача и стала моей временной тюрьмой. Ровно до следующего понедельника, ибо работать все же надо, а теперь Макс у еще и семью кормить!

Кстати, о семье...

И корме...

- Кушать не хочешь?

Я хотела. Лазаров ушел, а осталась переваривать информацию. Макс не закрыл дверь, из комнаты, где я находилась, слышала грохот посуды, шипение раскаленного масла и звук льющейся воды. Вскоре нос ощутил запах яичницы с колбасой, зеленью и помидорами.

Готова убить за кусочек. И не только за него - счет к господину Лазарову вырос до невероятных размеров. Одним кусочком он от меня отделается!

В комнату вплыл Максим, держа на деревянной доске чугунную сковороду с ароматной едой. Рядом лежал нарезанный обсыпанный зернами хлеб, стоял майонез и лежали две вилки. Мужчина буквально светился от гордости.

- Ну, как? - спросил он.

- Еще не знаю, - буркнула. Кстати, а как я есть буду, если руки за головой прикручены?

Доска разместилась на моем животе. Лазаров взял в руки вилку, подцепил кусочек яичницы и поднес ее к моим губам.

- Птица, откроешь клювик? - я машинально разинула рот. - Умничка! - и мужчина потянулся за следующей порцией. На сей раз вилка ткнулась в плотно сжатые губы. - Не понравилось? - светлые брови взлетели вверх.

- Ты меня кормить собрался? - процедила.

- Всегда мечтал это сделать, - глаза Лазарова светились маньячным блеском. - Дввай, за маму... - вилка, описав круг, остановилась у рта. - А за папу? - огорчился мужчина. - А за братика? - огорчился Макс.

- У меня нет брата! Развяжи меня, Лазаров. По-хорошему прошу.

- Именно поэтому ты останешься на привязи. Иначе по-плохому точно будет, а провести наш медовый месяц в реанимации меня не привлекает: провода мешаются, тишину соблюдать необходимо, да и свидетели, пусть не много, но они есть. Кроме того, я не уверен, что ты мне просто по голове настучишь, а рисковать самой нужной в первую брачную ночь частью тела я не намерен. Что сделать, чтобы ты покушала?

- Танец маленьких утят станцевать, - я закрыла глаза. Есть хотелось невероятно. Яичница своим видом и запахом раздражала вкусовые рецепторы. И в тайне я надеялась...

- Нет, я перед кем изгаляюсь? Господи, он танцевал! Выворачивал локти, приседал и ходил гусиным шагом... И это взрослый адекватный человек?! Я не выдержала и рассмеялась. Лазаров заржал вслед за мной. - Настя, а Настя? - он развалился на полу. - Один день. Дай мне всего один день и если в наших с тобой отношениях ничего не изменится, то я оставлю тебя в покое.

- Обещаешь? - хмыкнула я.

- Клянусь!

Угу, а то я не вижу в зеркальной двери шкафа его скрещенные пальцы, но выбора у меня нет, поэтому... остается только сделать этот день поистине фееричным!

Восемнадцатый полет

Лазаров был вне себя от гордости.

Да-да, он именно гордился собой: умом, смекалкой, находчивостью и способностью убеждать. И разве есть косяк какое дело, что из всех вышеперечисленных качеств в деле поимки Птицы он проявил всего одно и то последнее? Главное, же верить в себя, а остальное приложится: подельники, подручные и козлы отпущения.

А Птица согласилась.

Согласилась?

Согласилась!

Моя на кухне грязную посуду мужчина пританцовывал от радости, одним глазом приглядывая за допотопной газовой плитой и старым чайником, грозившем развалиться на глазах.

А хотелось... запрыгнуть на стол, ударить себя кулаками в грудь и издать вопль альфа-самца джунглей. Останавливало одно - Настя, если что, его быстро с небес на землю спустить каким-нибудь метким ядовитым плевком в душу. Если бы была в Олимпийских играх такая дисциплина, то первое место надо было бы за Птицей на веки вечные зарезервировать.

Чайник вскипел. Лазаров заварил чай, бросил по три кусочка сахара в каждую чашку, размешал, положил на блюдечко зефир в темном шоколаде и за две ходки перенес завершающую часть трапезы в спальню.

- Ну, за нас? - отсалютовал чашкой мужчина.

- Ты развязать обещал, - напомнила Настя.

Между бровей складочка, носик сморщен, верхняя губа дрожит... Она сдерживается, но на грани превращения в монстра. Отвязать? Не отвязать? Ай, он столько от нее синяков получил, что одним больше, одним меньше... На всякий случай отставив обе чашки с чаем подальше, Максим освободил руки и ноги Птицы.

И...

- Зефир дай, - девушка потянулась, спустила ноги с кровати, но агрессии не проявляла. Лазаров поневоле вспомнился плотный костюм для дрессировки собак. Вот бы ему такой сейчас! - Ку-ку, дома кто есть? - маленький кулачок коснулся лба. - Зефир дай и чай, - девушка показала на пол.

- Ага, - не сводя с Птицы влюбленно-настороженного взгляда Максим нащупал угощение и подал его Насте.

Девушка с урчанием взгрызлась в зефир. Яичницы, бедняжке, явно не хватило.

Лазаров пил чай. В голове крутились шарики-ролики. Он думал о том, чем заниматься с Птицей. Увы, первое, что лезло в голову было не осуществимо. Тут бы до поцелуя доползти, а не обо всем остальном мечтать! И то дело необходимо романтично обставить...

Например, яркие разноцветные фонарики, небольшой столик, свечи, кастрюлька свежего глинтвейна с запахом корицы. Она опирается на перила. Она приобнял ее левой рукой. Их взгляды встретились...

- Эй, злой разбойник Бармалей, чем займемся? Будем зайчиков на брелки распускать или с обезьянками в от ними банан поиграем?

Тьфу! Он, понимаешь ли, о высоком думает, а она? Зайчики, обезьянки... эдак Птица ему ведерко с глинтвейном на голову оденет. Нет, для начала стоит ограничиться менее травматичными способами развлечения.

И они отправились гулять!

Но сперва...

- Я это не одену! - Птица стояла в позе готового атаковать бультерьера. Лазаров держал перед ней телогрейку с рваными карманами и вылезавшей ватой. - Почему ты забыл захватить мою куртку, а на чучело должна быть похожа я? Ты мне еще ушанку предложи! - клацнула зубами девушка.

Ушанка была вторым предметом гардероба, которым Максим хотел предложить Насте.

- На улице минус пятнадцать, - терпеливо намекнул Лазаров. Ну, хоть этот аргумент заставит Птицу сложить крылышки и дать себя запеленать в неказистую, но теплую телогрейку!

- Нет! В ней трое померли и я не собираюсь четвертой быть! Так пойду, - девушка увернулась от протянутой одежды.

- Минус...

- Догоняй! - хлопнула дверь.

Ругнувшись, Максим накинул на плечи куртку, схватил шарф и побежал за Настей. Благо ботинки он успел надеть раньше.

А она уже умчалась к воротам и ждала его, подпрыгивая на месте. Недовольно скривилась, махнула рукой и помчалась дальше. Лазаров вынужденно последовал за ней, гадая какое шило

в симпатичной попе активизировалось.

Через пять минут в боку закололо.

Через десять дорогие ботинки захлюпали носом.

Через пятнадцать мужчина был готов умереть добровольно.

- Стой... - прохрипел Максим, согнувшись в три погибели. - Стой...

- Лазаров, ты сам хотел гулять, так в чем дело?

- Гулять, а не сдавать норматив КМС по бегу на длинные дистанции!

- А, извини, но без куртки при минус пятнадцати гулять только так можно, - Птица ободряюще хлопнула спутника по спине.

Удар получился сильным. Он едва не свалил Макса на колени, заставив закашляться. А девушка, воспользовавшись слабостью Лазарова, слепила рыхлый, но большой снежок и запустила им в мужчину.

Бах!

Мокрые комья снега упали за шиворот и капельками холодной воды потекли по спине. Максим вскинулся, но тут же согнулся - боль в левом подреберье вцепилась в него с новой силой.

Ах так...

На полусогнутых ногах он метнулся к Птице, обхватил ее за талию и повалил в снег. Руки сами собой потянулись к россыпи холодных хлопьев...

- Пусти! - визжала девушка, отбрыкиваясь от заслуженного наказания.

- Что, не нравится? А меня, значит, снежками бросать можно? - Лазаров продолжал экзекуцию, засыпая Птицу снегом.

- Так что в тебя снежком, а ты меня в снег! Это разве справедливо? - и она в ответ умудрилась зарядить плотным комком прямо в лоб.

- А игнорировать все мои попытки поухаживать за тобой нормально?

- Так вот, что это было, а я, дура, думала, ты меня со свету сжить пытаешься! - отшутилась девушка.

- Иногда - да!

- Например, ты попросил меня испытать изготовленную на труде табуретку?

- Я же не знал, что ты на ней прыгать станешь.

- Угу, и ножки ты не подпиливал... Или когда на химии не те ингредиенты смешал?

- Один из них ты сама мне дала.

- Но я же не думала, что ты его в колбу сунешь! А биология и твой прелестный гербарий из болиголова и ему подобных ядовитых растений?

- Как истинный рыцарь я планировал на руках отнести тебя к медсестре!

- Угу, а то, что к ней весь класс во главе с учителем на четвереньках поползет, ты даже не предугадал?!

- Но ты все же прокатилась на мне!

- Два метра и то на спине, - сопротивление девушки утихло.

Ее лицо было близко-близко.

И когда он успел наклониться к ней?

А губы такие сочные, что, наверное, к черту романтику...

- Сейчас я готов предоставить в твоё распоряжение любую часть тела на выбор, - широко улыбнулся Лазаров. Он поддерживал игру, не желая спугнуть птицу. Мужчина чувствовал себя охотником, сдающим экзамен. Его сердце бешено колотилось. Каждый его удар отзывался болью.

'Надо было все же отдышаться...' - мелькнула и пропала мысль.

- Пошляк! - возмущенно прошептала Настя.

- Я сказал на выбор, а что-то определенное ты выбрала сама, испорченная девчонка.

- Я?

- Ты! - последнее слово Лазаров выдохнул Птице в губы.

Ну...

Ну!

О да...

И Максим глухо застонал сначала от удовольствия, а затем от скрутившей его невыносимой боли...

Девятнадцатый полет

Когда Макса скрутило, первое что пришло в голову - я вот прямо сейчас вместе с ним очокурюсь... Сердце оборвалось. Душа рванулась вон из тела, трепеща белоснежными крылышками и утираясь нимбом.

А ведь Лазаров говорил, что его в гроб вгоню... Похоже, того... вогнала... пока только мордой в снег, но он упорный, он доведет дело до логического конца!

Все, Птица, отлеталась. Сейчас кто-нибудь выйдет, а тут я. И труп.

Бежать?

Или не дать Лазарову погибнуть смертью храбрых во цвете лет?

Я схватилась за голову и побежала к ближайшей калитке. Постучать в нее не успела. Со двора вышел дед в ушанке с сигаретой в зубах.

- Случилось что, дочка?

- Ага, случилось, - выдохнула я, - там человек... того... - мазнула рукой от недостатка чувств.

- Представился?! - охнул дед, выглядывая в указанном направлении.

- Еще собирается. Мне бы скорую вызвать, а?

- Да она в нашу глушь два часа ехать будет, проще на трассу и до Москвы. За час доберетесь, в там за кольцевой сразу направо госпиталь будет. Лошадка-то есть?

- Лошадка? - я задумалась, вспоминая стояло ли во дворе какое-нибудь транспортное средство или Макс меня сюда на крыльях любви притащил? - Есть! Трехсот пятидесяти хватит? - перед домом была припаркована прокаченная черная пятерка BMW.

Пока я бегала за машиной, дедуля вызвался посторожить трупик. Мало ли на него кто позарится или сам в лес помирать побежит, повинуюсь инстинктам. Автомобиль завелся с пол-оборота. Взвизгнув шинами, я вылетела из ворот направо, доехала до дедка, собравшего вокруг себя любопытствующих и с огромным трудом выцарапала бессознательного Макса из лап доморощенных Гиппократов. Они уже собрались ему лопухи в уши засовывать и глаза рябиной засыпать! А кое-кто за ботинками тянулся, мол надо по пяткам палкой от того кровь к ногам пойдет, глядишь легче станет!

Я погрузила Максима на заднее сиденье и уже собралась закрыть дверь, как Лазаров открыл глаза и посмотрел на меня мутным взглядом.

Нервы не выдержали. Слезы неконтролируемым потоком хлынули из глаз. Я влезла в машину, схватила мужчину за лацканы куртки и выкрикнула:

- Только посмей это сделать! Слышишь? Только умри у меня на руках и я, клянусь, всю свою оставшуюся жизнь над твоим трупом глумиться буду. Не видать тебе покоя, как своих ушей, милый! - пальцы разжались...

Макс моргнул и растянул губы в слабом подобии улыбки. Шевельнул губами. Я наклонилась ниже, чтобы услышать его слова.

- На том и этом свете буду вспоминать...

- Идиот! - сорвалась на ультразвук. - Я серьезно, а ты песенки на смертном одре распевашь! - захлопнула дверь и скользнула за руль.

- Ну, я обещал сделать этот день незабываемым... - прошептал мужчина.

- Если ты не заткнешься, то увековечишь его в граните вместе со своей фотографией и эпитафией. Что-то вроде он умер молодым, богатым и бестолковым!

Лазаров замолчал. Изредка с заднего сиденья доносились стоны и непонятные шорохи.

За пределы дачного поселка мы выехали за минуту. Пара бабулек стали жертвами грязи из-

под колес, а к машине, наверняка, прилипла парочка убойных проклятий. Надо будет посоветовать Лазарову отвезти ее в церковь, пусть BMW грехи отпустят.

А вот на трассе жизнь текла медленно и неторопливо. Мы катились не более сорока, и я очень боялась, что не доведу Лазарова до госпиталя. На крайний случай всегда остается канава на обочине, но хотелось бы избежать его. В конце концов, Максим мне как память дорог и антиквариат в его лице можно выгодно пристроить в хорошие руки. И рукам тепло и от меня этот ходячий... теперь уже лежащий кошмар отстанет!

Движение на дороге вымораживало. Сквозь плотно сомкнутые губы вырывалось нечеловеческое рычание. Я шныряла по рядам, выигрывая где корпус, где половину. Жаль больше не получалось. В зеркало заднего вида смотреть опасалась. Пять минут назад там отражался мистер Зеленый в голубую прожилку. К госпиталю доедет фиолетовый...

И тут словно мне решили помочь некие высшие силы - позади я уснула сиплое завывание сирены скорой помощи. Живо метнулась во второй ряд, готовая прижать скорую помощь к ногтю. Когда машина поравнялась со мной, слегка резанула ее и опустила стекло, бешено махая водителю скорой,

- Дура? - донеслось из допотопной буханки.

- Ты мне диагноз не ставь! Куда несешься? - я не давала скорой вырваться вперед. Другие водители неодобрительно косились на меня сквозь стекла своих авто. А и пусть - у них заднее сиденье в предсмертный одр не превратилось!

- Догадайся! - огрызнулась бородатая несвежая морда из нутра машины.

- Хватит зубы заговаривать. Ты фельдшера где потерял? Так что жмись к обочине.

- Это зачем?! У меня ни наркоты, ни синьки в машине...

- Зато у меня почти труп!

- Ага, если я остановлюсь, то он тогда у меня будет!

- Труп в тебя по-любому будет, вопрос только один или два. Догадался кто второй? - рывкнула я и резко вывернула руль, перекрывая дорогу.

Буханка встала на дыбы, но седока не скинула.

Хлопнула дверь, выпустив небритого мужика. Он злобно зыркнул, обдал меня перегаром, но Лазарова в машину перегрузил. Я отогнала BMW на обочину и плюхнулась на переднее сиденье буханки.

Мы тронулись.

Через десять минут терпение кончилось.

- Пусти! - и одарила водилу зверским взглядом.

Мужик съехался и выпустил руль, правда, на тормоз он нажать забыл!

Буханка вильнула влево, вправо... Меня расплющило о боковое стекло. Бардачок клацнул зубами и едва не откусил мне пальцы, которыми я пыталась хоть за что-то зацепиться. В кузове

грохнуло. Следом раздался стон... А потом стих и он, когда что-то куда-то упало с полочки и приземлилось с мягким чавкающим звуком...

Твою мать!

Я пнула ногой дверь. Как ни странно это помогло: скорая чихнула и остановилась. Водилу пинком за дверь, сама за руль и повернула ключ зажигания. Буханка, будто древняя черепаха проснулась, дохнула в салон черным дымом прогорклой солярки, взбрыкнула и покатила вперед. Я осторожно тронула педаль газа, гадая сколько можно выжать из этого 'танка'.

Хм...

- Молись, - вынесла я вердикт.

- Да я атеист, как бы, - пожал плечами устроившийся на моем месте водила.

- Дефибрилятору молись, - мрачно кивнула и дернула ручку переключения скоростей на пониженную передачу...

Следующие тридцать минут я слушала... нет, это была не молитва, но парочку новых деталей в двигателе автомобиля я от мужика узнала, пока прыгала по ухабистой обочине со скоростью сто километров в час.

Буханка так не может?

Гы...

Скорее не хочет, но я и не такие драндулеты ездить заставляла. Вообще, это авто - незабвенное достояние советских времен, на мой взгляд принадлежало к разряду неубиваемых. Да, скорая грозила на ходу развалиться: ее подвеска гроыхала, как танцовщица турецкого белле-денс в костюме, водительская дверь трижды открывалась, педаль тормоза то каменела, то проваливалась в пол, сиденье играло острыми пружинами фугу ре минор на моей пятой точке.

А где-то в кузове...

Впрочем, об этом я честно старалась не думать.

Перед самой Москвой мы основательно встряли. Я еле-еле, теряя остатки терпения, протолкалась в левый ряд и встала на разворот.

- Нет... - протянул мужик. - Ты же не собираешься... О, Господи! - он обеими руками вцепился в сиденье.

- Ты же атеист? - съязвила я, выруливая на встречную полосу. Буханка огласила сиплым воем округу...

- Знаешь что?!

- Что? - теперь за дорогой следовало внимательнее.

- С тобой сам дьявол святой воды хлебнет, потом перекрестится и добровольно на крест полезет грехи искупать! - проблеял мужик и закрыл глаза...

Лазарова мы довели.

Когда его перегружали на каталку в приемном отделении он даже выглядел лучше. Сказал, что эта поездка в него желание жить буквально вбила дефибриллятором по голове. Я улыбнулась - Максим в своем репертуаре. Пусть шутит, лишь бы была у него такая возможность, иначе... иначе... Легко жить, зная, что он где-то там, а если его нет?

Я сглотнула.

Этот вариант как-то не вписывался в рамки моей реальности.

Двадцатый полет

Седов примчался по первому звонку. Причем совершенно добровольно и с подскоком. Не смог он проигнорировать звонок от девушки, на которой собрался жениться, по поводу лучшего друга, который собрался умирать. Мужчина понимал - ситуация полный бред, но куда от него деваться? Этот стресс таблетками не запить!

Юрий ворвался в приемный покой госпиталя на окраине Москвы, выпотрошил медсестру на предмет нужной информации, поднялся на четвертый этаж в реанимацию, выхватил из рук другой медсестры протянутый халат, облачился в него и пошел по коридору вдоль стеклянных боксов, всматриваясь в лица пациентов. Почему-то мужчина ужасно боялся не узнать Лазарова.

Когда-то Седову сказали, что болезнь сильно меняет человека. Сказали перед тем, как он в последний раз увидел бабушку на скрипучей больничной койке. Увидел и удивился, ибо желтый пергаментный сверток ничем не напоминал пряничную старушку в цветастых платьях с всегда накрахмаленными белоснежными воротничками.

Как ни пытался мужчина разглядеть среди опутанных проводами и бинтами мумий знакомое лицо - не получилось. И сторбленную фигурку на скамейке в коридоре не заметил. Обернулся на возглас...

Девушка выглядела жалко. Растрепанные волосы, мятая одежда, зареванные глаза, лицо в пятнах. Эта перемена во внешности поразила Седова. И дело вовсе не в красоте - с Птицы словно слетели золотые перья, по которыми скрывалась обычная серая утка.

Где бычий нор?

Где искрящийся бирюзовым льдом темперамент?

И куда пропал вызов всему и всем в ее глазах?!

- Настя? - вырвалось из уст Седова.

Мужчина тут же пожалел о сказанном, но уже через секунду обрадовался: щеки девушки окрасились ярким румянцем, а во взгляде появился недобрый огонек.

- Мы сутки не виделись, а ты уже забыл, как я выгляжу?! - Птица вскочила со стула.

- Н-нет, - отступил Юрий. - Не забыл.

- Зачем тогда спрашиваешь? Может быть у меня усы выросли? Или борода? Или третий глаз

на носу открылся? И четвертый на подбородке? Ты скажи, а то мне в зеркало недосуг смотреться было. Я слегка занята была твоим на голову двинутым дружком, что сперва напился, затем скандал устроил, после в криминал по самые... яйца, - чиркнула ладонью на уровне лба Анастасия, - влез, а после решил пасть смертью храбрых в борьбе с неравным противником!

- И с кем он боролся? - поинтересовался мужчина.

- Со мной! - буркнула под нос девушка.

А... ну да... силы точно были превосходящие.

Седов сам бы не отказался побороться с Птицей...

Юрий тряхнул головой, отгоняя непрошенные водно-мыльные фантазии. В пяти шагах за стеклом Лазаров умирает, а он о непристойностях думает! Несправедливо по отношению к Максусу.

Или...

В джунглях, даже каменных, действует всего один закон - выживает сильнейший! Аморально? Двадцать первый век на дворе, и миром правит отнюдь не любовь, а деньги, страх и похоть. И что поделаться, если именно Седов оказался лучше приспособлен к жизни в данной реальности? Не ложиться же в гроб рядом с другом?

- Что с Максимом? - спросил мужчина.

- Подозревают инфаркт, - буркнула Настя. - Вдумайся! В его возрасте - инфаркт!

- Но он не пьет, не курит... - изумился Седов.

- Ага, и с девушками не спит! А гантели вообще компьютерной программой считает! Просто идеал современной офисной кровати, обитающей в верхних слоях атмосферы! - развела тему Анастасия.

- С девушками он спит, - поправил ее Юрий.

- С кем? - уперла руки в бока Птица.

- Ты ее видела. Максим рассказывал...

- А, эта... С этой он уже не спит. И не спал. Вряд ли то, чем они ночью занимались можно назвать полноценным сном, - девушка топнула ногой.

- Вот ты о чем, - смутился Седов.

- Да, именно об этом! Человек должен полноценно спать и полноценно питаться, тогда он может спокойно пить, купить и заниматься тем, о чем снимают неприличные немецкие и шведские фильмы.

- А ты откуда о немецких фильмах знаешь?! - нахмурился Юрий. Птица покраснела и опустила голову. - Ты их смотрела, - сделал вывод мужчина. - Но зачем?

- Специалистов в данной области не готовят в университетах, а я терпеть не могу делать

что-либо неправильно. Вот и пришлось тайком от родителей практические учебные пособия покупать, - пояснила девушка. Он отступила, скрестила на груди руки и с вызовом посмотрела на собеседника.

Учебные... пособия?!

Юрий не выдержал и расхохотался.

Нет, ну надо же было до такого додуматься!

- Извините, что прерываю ваш разговор... - подошел врач. - Необходимо подписать кое-какие документы на случай...

- Какой случай? - Птица смертельно побледнела. В зрачках появился багровый лихорадочный огонек. Она подозрительно смотрела на шею доктора.

Врач это заметил. Он нервно дернул верхней губой и застегнул халат на все пуговицы.

- Всякий. Случай. Мало ли что...

- Ага, унитаз с низко летящего самолета упадет. Гремлины нагрянут. Троллейбус на четвертый этаж въедет и именно в эту палату...

- Девушка, зачем вы так? - врач был ошарашен предположениями. - все проще и прозаичнее.

- Нет, Вадим Михайлович, - Анастасия поправила бэйджик на груди доктора. - Если все будет прозаичнее, то и унитазы, и гремлины, и троллейбусы посыпятся на вашу голову. Ясно? - Птица затянула галстук на шее врача и поправила его прическу.

- Я-ясно, - тот поспешно кивнул и сунул ей в руки бумаги, пока она свои конечности еще куда-нибудь не пристроила.

- Когда пустите к больному?

- К нему нельзя!

- Вы не поняли, когда к больному можно?! - девушка сдала ладонь мужчины, а хватка у нее была крепкая... Не зря она с мастерами в сервисе в армреслинге соревновалась.

- Присоединяюсь к просьбе, - Юрий обнял Настю за плечи.

Вадим Михайлович решил, что против двоих ему не выстоять.

- Анализы будут готовы завтра, тогда и пройдете, - сдался мужчина.

Двадцать первый полет

Я не спала ночь. Седов бдел вместо со мной у меня в квартире. Он пару раз пробовал поймать меня, обнять, утешить, но оба раза получив по рукам, отстал и больше попыток не предпринимал. Вода, понятное дело, под лежащий камень не течет, но есть камни, которые стоит десятой дорогой обтекать.

Я в ту ночь олицетворяла именно такой камень. Огромный мрачный гранитный валун с выпирающими острыми краями, замерший на краю обрыва в очень неустойчивом положении.

Меня раздражало все: замкнутое пространство, открытое окно, закрытое окно, чай, кофе, сахар и соль с перцем. Сидящий на стуле мужчина, пожирающий меня совершенно диким взглядом с нотками похоти. Необходимость ждать до утра и красавчик Лазаров, прохлаждающийся в госпитале. Гад хорошо устроился - ему не о чем переживать! От него уже ничего не зависит, а я ходи-броди тут. Ночами не спи. Хорошо, глаза от бессонной ночи воспалились и слезы просто не текут, иначе ко всем симптомам превращения в царевну-лягушку истеричка бы добавилась...

К утру Седова сморило. Он заснул сидя за столом, уронив голову на сложенные руки. Уф, наконец, исчезло облизывающее шершавое ощущение, которое преследовало меня во время его бодрствования, будто он кот, а я шерстяной плед и меня старательно языком расчесывают. Брр!

Я ушла в комнату, критически осмотрела ее и с сожалением отметила, что в ней делать больше нечего: пыль протеста, полы помыты, одежда выглажена. Дважды. Книги расставлены по алфавиту, затем размеру и даже по моему личному рейтингу. И что? Руки все равно тянулись к тряпке, ведру и чистящему средству, а соседняя комната, увы, пустовала, но зато из нее можно попасть на балкон, а туда я две коробки хлама сложила! Взвизгнув от радости, я метнулась за ними, с трудом приволокла в комнату и с упоением стала копаться в коробках.

Среди прочего нашла свои старые тайны, оформленные в виде дневника. Признаться, меня избежала участь, когда родители находят что-то эдакое и не справившись с любопытством, суют нос не в свои дела. Быть может положение спасло то, что дневник я вела в простых зеленых школьных тетрадах с надписью литература - оба моих родителя считали данный предмет скучнейшим во всей школьной программе.

Я же... Просто на данном предмете и вела свои записи...

Ух ты! Когда-то стихи сочиняла! Ага, с хромой рифмой, а то и вовсе без нее гордо названные 'белыми'. Ого, цитаты! А кто это сказал? Я? Ничего в жизни глупее не читала! А ведь сравнивала себя с Аристотелем. Почему с мужиком? Вот же каша у меня в голове была. Ууу, я еще и рисовала... Кто это у меня в лавровом венке из ванны выскакивает, прикрывая ладошками причинное место? Эм, Лазаров? А за что я его так? Вспомнила! Перед литературой была физика, где красавчик демонстрируя правило: сила действия равна силе противодействия, зарядил мне учебником по затылку. Потом ему пришлось объяснять, почему в его случае от противодействия ему досталось в два раза больше.

Следующие две недели Лазаров ходил в школу с фингалом и прятался от меня на переменах в мужском туалете, умудряясь в таких нечеловеческих условиях точить коржики. Я две недели из-за него на диете сидела. Прочитала несколько страниц. По смеялась над индюком с лицом Максима. Нашла прищипленную к страничке куколку из травы и яростную подпись под ней насчет проклятия во веки веков. Хм, я еще и такой чушью увлекалась? Быстро оторвала ее от листа и смяла в руке - сухая трава рассыпалась пылью.

За что я его так?

Ааа, это за прилюдно врученную мне валентинку. Да, полутораметровое сердце мне до самого лета припоминали, спрашивая чем таким я приманила красавчика Лазарова и как он в постели. Последнее бесило больше всего, ибо никто не хотел верить, что сердце просто повод

позлить и подставить меня.

Я закрыла тетрадь и улыбнулась.

Ох и много мы нервных клеток друг другу попортили!

Я бросила тетрадь в кучу, встала и подошла к окну. За стеклом держал по морозному ветру дымный хвост из трубы и всходило ярко-розовое солнце.

В голове застряло проклятущее сердце. Почему я никогда не воспринимала его иначе? Неужели тогда я ошиблась? Неужели Макс и правда... Ааа, ну вот, опять я из-за него реву!!! Все, сегодня навещаю в больнице и вычеркиваю из своей жизни.

Навсегда.

Да.

С ним по-другому нельзя. Вот опять я не заметила, как Лазаров мне в душу пролез. Вот ведь...

В восемь мы стартовали. За сорок минут на противоходке долетели до госпиталя, пробрались за шоколадную взятку внутрь и захватили ординаторскую. Вадим Михайлович при виде нас схватился за сердце. Только почему-то оно у него располагалось справа. Раскусив пару таблеток из блистера на столе, врач вывел нас в коридор, где и предложил поговорить относительно пациента.

- Диагноз? - я облизнула губы.

- Неутешительный, - скривился доктор и отгородился от меня папкой. - Обширный инфаркт. Есть много последствий. Мы еще не все выявили.

- Он будет жить? - я набычилась. Из ноздрей повалил пар.

Вадим Михайлович позеленел. Он ослабил воротничок и сглотнул.

- Мы... мы...

- Выыыы... - провыла на высокой ноте и сократила расстояние между нами. - Чтооо?

- Мы нее уверены, состояние критическое... - дал петуха доктор. - И скорее всего он не... - у Вадима Михайловича задергались оба верхних века. Дергались они вразнобой, с разницей в полсекунды, отчего создавалось впечатление словно доктор подмигивает левым глазом Седову, а правым мне и еще удивляется, почему мы его явных тайных знаков не понимаем.

- Не что? - голос был не мой. То есть, говорила-то, конечно, я, но эти хриплые мертвенные интонации не могли принадлежать мне!

- Он не... не...

- Не выживет, вы хотите сказать? - в отличие от меня Седов держал себя в руках.

Угу, длинные они у него - обзавидоваться!

- Да! - победно выдохнул врач и вытер рукавом пот со лба.

- Я хочу с ним поговорить, - произнести слово 'попрощаться' не смогла, ибо невероятно, невозможно, похоронить человека в двадцать девять из-за дурацкого сердца. Как же тогда мое? С мой мне что делать? Засушить в виде гербария или засолить в пробирке?

- Пожалуйста, он в той же палате, - доктор указал путь по коридору.

- Что даже спорить не будете?! - а вот это меня сбило с толку. Я приготовилась воевать.

- С вами?!

И правда, что это я...

Понимающе оскалившись, быстрым шагом направилась к 'аквариуму' Лазарова. Подошла и решительно открыла дверь, но стоило перешагнуть порог, как все решимость испарилась, смытая стремительно надвигающейся паникой.

Что я скажу Максиму?

Что он самый мерзкий и отвратительный паразит, чьи следы от зубов украшают мое мягкое место?

Что все наши встречи достойны отлитых в бронзе памятников для его могилы?

Что такая красивая и умная я взяла и вычеркнула его из своей жизни, а он продолжил линию и поставил точку на своей?

Или...

Я, наконец, признаюсь что люблю его?

Ага, так и скажу: Максим прости за пятнадцать лет нервотрепки, но это все от большой и чистой любви. Правда-правда! Кстати, не хочешь в таком же режиме всю оставшуюся жизнь провести? Тебе всего-то пару дней осталось!

Но я не сделала ничего. Я просто села на убогий пластиковый стул, уткнулась лбом в кровать Лазарова и заревела белугой, горько и безвозвратно сожалея о своей непроходимой тупости, неприступной гордости и клиническом идиотизме.

- Птица... - слабая дрожащая рука коснулась моей макушки.- Ну что ты, Птица, не надо так. Ты же обещала никогда из-за меня не реветь.

- А ты откуда знаешь? - шмыгнула носом.

- Когда ты громко, на весь район, давала клятву, я стоял за углом дома и тоже клялся.

- А ты в чем? - всхлипнула.

- В том, что заставлю тебя плакать минимум раз в неделю...

Чтооо?!

- Ты... Ты... Ты... - вцепилась в матрас. Очень хотелось треснуть Лазарова.

- Птица, от счастья. Только от счастья, понимаешь? - серые губы дернулись в попытке

улыбнуться. Я понимала. Теперь я многое понимала. В том числе и то, что безнадежно опоздала. - Ты же сейчас поэтому ревешь, правда?

Я кивнула.

Ничем не сдерживаемые слезы катились щекам. Нижняя губа лихорадочно тряслась. Пальцы судорожно мяли матрас.

- Ппправда, - прошептала я на вдохе. - Радуюсь, что ты от меня отстанешь! Столько времени этого ждала... - и без перехода: - Мерзавец, сволочь, предатель... - я порвала простыню, наматрасик и погрузила скрюченные руки в пружинно-поролоновое нутро матраса. - Как ты мог...

- Что...

- Лишить меня этого удовольствия...

- Какого...

- Да какая теперь разница! - выкрикнула. И стало так обидно. Безумно обидно. Будто Макс отобрал у меня половину жизни.

Пауза.

Я выдохнула.

Вытерла лицо.

- Насть, а бы вышла за меня? Ну, если бы все сложилось иначе? - мужчина смотрел в потолок. В уголках его глаз я разглядела мокрые дорожки. Мне нелегко? А каково тогда ему?

- Вышла, - усмехнулась через силу.

- Почему?

- А чтобы всю твою жизнь незабываемой сделать!

- Честно?

- Честно, - чего уж врать! На славу бы расстаралась!

- Клянешься?

- Лазаров! - рывкнула, ощущая приближение второй части лебединого озера, где в роли озера я, - Ты даже умереть спокойно не можешь! Клянусь, если тебе от этого легче! Доволен?

- Вполне. И даже записал все на диктофон. На тот случай, если через две недели ты обо всем забудешь.

- Извини, я не совсем поняла... - осеклась.

Максим достал из пачки на тумбе у кровати влажную салфетку и принялся стирать болезнь со своего лица. Буквально. Зеленая серость исчезала с кожи, оставаясь на салфетке. Конечно, совсем здоровым он не выглядел, но и на умирающего никоим образом не был похож. Затем,

мужчина нажал кнопку на пульте и привел кровать в полусидячее положение. Вздыхнул, взглянул виновато и очень тихо, словно боясь разбудить тигра, спросил:

- Сколько у меня есть времени, чтобы все тебе объяснить?

Я промолчала.

В голове елозили две мысли. Первая большими метровыми буквами гласила: это ШУТКА? ЭТО МЕНЯ РАЗЫГРАЛИ? Вторая спокойно интересовалась тем, как я сейчас выгляжу. Ну, понятное дело, челюсть где-то в районе стоп болтается. Глазки размером с Луну, не меньше. И лицо, как у пьяного филина, который спросонья отдуплиться не может.

А Лазаров что-то говорил.

А я не слышала.

Словно кто-то на кнопку выключить звук нажал.

И без звука щебечущий Макс выглядел жутко смешно.

Вот до очередных слез, коликов в животе и трясучке в руках смешно.

Звук включился неожиданно.

- Птица, ты что? Птица?!

Лазаров тянул ко мне опутанные проводами ручки. Я резко прекратила смеяться, отстранилась и хлопнула его по рукам. Внутри все бродило и бурлило и готовилось рвануть. И все это происходило под внешней замороженной в экстазе истерики оболочке.

- Так ты не умираешь? - зловеще произнесла я. Ах, как в этот момент мне не хватило громового раската и ветвистой молнии на горизонте.

- Нет. Межреберная невралгия. Острое воспаление плечевого нерва. Ее часто путают с инфарктом.

- А с доктором, ты, выходит, договорился насчет спектакля? - ладони вспотели в предвкушении.

- Это мне дорого стоило. Он тебя, знаешь ли, тебя слегка испугался вчера.

- А через две недели тебя выпишут? - я мило улыбнулась и подошла вплотную к кровати. Оперлась на матрас и приготовилась.

- Обещали, - Лазаров улыбнулся в ответ. - А потом...

- Они ошиблись! Нет у тебя никакого потом, Лазароффф...

На раз, запрыгнула на кровать.

На два, оседлала мужчину.

На три, схватила его за горло и принялась душить.

А на четыре...

Как и на десять, двадцать и сто пятьдесят три...

Мы целовались под аккомпанемент взбесившихся приборов. Жужжащего механизма кровати. Оголтелого стука в дверь. Криков дежурной реанимационной бригады, примчавшейся спасать пациента...

Двадцать второй полет: заключительный

Они стояли на мосту. Держались за руки. Девушка в белом комбинезоне с фатой на голове и парень в странном костюме, у которого вместо штанов были шорты, а грудь прикрывала сетчатая майка, виднеющаяся из-под пиджака. И кто-то считал с десяти до нуля, а через вдох после счастливого зера оба полетели вниз, держа друг друга за руки. А рядом с ними летел священник в подвязанной сутане, который и принял от молодоженов всего одну простую клятву.

Летать.

Вечно.

Всегда вместе.

Завтра Ведьма, а потом начинаю вторую часть Пока смерть...